ТОМ 8, № 1, 2017

per Concordiam

Журнал по проблемам безопасности и обороны Европы

■ **ИСПОЛЬЗУЯ СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ НАТО**
Предотвращая конфликт с Россией

■ **ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЯВЛЕНИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫХ ГВАРДИЙ»**
Противодействуя угрозам безопасности ЕС

■ **ПЕРЕОЦЕНКА СИСТЕМ БЕЗОПАСНОСТИ**
Кризис на Украине меняет динамику

■ **ОБЪЕДИНЕНИЕ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСУРСОВ**
Статья 3 Устава НАТО проходит испытания

ПЛЮС
Гуманистическое и передовое военное обучение
Дипломатия как стратегия обороны
Улучшая политику соседства

БУДУЩЕЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Приспосабливаясь к новым угрозам

основные статьи

10 **Наземные силы НАТО**

Генерал Джон В. Николсон, Сухопутные Силы США

НАТО разработала план действий «Готовность» для противостояния угрозе, вызванной российской агрессией.

16 **Сохраняя безопасность ЕС**

Габор Шизмазия, Национальный университет общественных услуг, Будапешт, Венгрия

Региональная сплоченность – это ключ к решению проблем, вызванных многочисленными кризисами и новыми неопределенностями.

22 **Укрепляя соседние страны**

Теодор Люсьен Мога, доцент Центра Европейских исследований, Университет им. Александра Иона Кузы

Политика Европейского союза в отношении соседей должна быть последовательной и согласованной.

28 **Силы внутренней безопасности Европейского Союза**

Альфред Лугерт при участии Владислава Бартожевски, Томаса Форсберга, Марии Грации Галантино, Алена Ламболл, Алена Пеллегрини, Александры Ричи и Уолтера Таншица

Государства-члены ЕС рассматривают возможность использования «Национальных гвардий» для противостояния угрозам внутри Европы.

34 **Пересматривая свои позиции**

Фарид Османов, стипендиат Chevening, Оксфордский университет, Школа управления им. Блаватника

Почему региональное сотрудничество в Афганистане не приносит результаты.

40 **НАТО на Западных Балканах**

Генерал-лейтенант Уолтер Т. Лорд, Национальная гвардия сухопутных войск США

В связи с динамикой безопасности в Европе НАТО больше не может мириться с переменным успехом интеграции кандидатов на Западных Балканах.

разделы

В каждом номере

4 ПИСЬМО ДИРЕКТОРА

5 АВТОРЫ

7 ТОЧКА ЗРЕНИЯ

66 КАЛЕНДАРЬ

СОТРУДНИЧЕСТВО

46 Совместная безопасность в НАТО

Майор Джозеф Н. Гарднер, сухопутные силы США

Особое внимание к Статье 3 улучшит взаимодействие для противостояния горизонтальным угрозам.

БЕЗОПАСНОСТЬ

52 Хорошее обучение – хорошие солдаты

Генерал-майор Игорь Толок, Министерство обороны Украины

Развивая и совершенствуя процесс военного образования на Украине.

56 Женщины, мир и безопасность

Энджули Уэстер, Центр им. Маршалла

Вовлечение женщин в мирные процессы и сектор безопасности принесет долгосрочные выгоды.

ПОЛИТИКА

60 Военная дипломатия

Подполковник Гвин А. Карвер, сухопутные силы США

Военная дипломатия может эффективно решать вопросы, вызванные глобальной неопределенностью и региональной нестабильностью.

на обложке:

Польский солдат сидит в танке во время военных учений НАТО «Отважный прыжок», проведенных Объединенной группой быстрого реагирования на полигоне Заган в Польше.

GETTY IMAGES

GEORGE C. MARSHALL
EUROPEAN CENTER FOR SECURITY STUDIES

Представляем Вашему вниманию 29-й выпуск журнала *per Concordiam*. В этом выпуске мы рассматриваем появившиеся стратегии реагирования на сегодняшние проблемы безопасности в Европе. Мы выбрали статьи, в которых анализируются различные перспективы эволюционирующей сферы безопасности в Европе и Евразии, и в которых даются разумные, как мы считаем, варианты ответов на проблемы региональной безопасности. Понятие европейской безопасности изменилось после окончания «холодной войны» и сегодня сталкивается со множеством новых конфликтов, появлением уязвимых мест и угроз сложившемуся порядку. И хотя многое уже было сделано, совершенно очевидно, что предстоит большая работа – задача особенно трудная в этот очень драматический период истории. Мы приветствуем диалог с нашими читателями по мере того, как мы рассматриваем вызовы безопасности и стабильности в евро-атлантическом регионе и за его пределами.

Заострение внимания на гибридной войне, особенно на восточном фланге Европы, дает возможность четко показать угрозы евро-атлантическим государствам, институтам, самоопределению и ценностям и лучше понять, какие проблемы создает гибридная война восточным партнерам, и как евро-атлантические структуры безопасности смогут смягчить нежелательные последствия для наших соседей.

В этой связи наши авторы показывают на уязвимые места в евро-атлантической структуре и на то, как ими могут воспользоваться другие. В числе этих уязвимых мест: тяжелый неповоротливый политический инструментарий, затянувшиеся конфликты, транснациональная организованная преступность, политическая коррупция и подрыв политических институтов, тенденции к экономической интеграции и дезинтеграции, энергетическая безопасность, а также логика взаимозависимости и независимости.

Кроме того, мы исследуем факторы, которые проливают свет на динамику конфликта на южном фланге Европы, особое внимание обращая на иностранных боевиков и беженцев как инструментов войны и, в дальнейшей перспективе, инструмент радикализации молодежи. Обращаем внимание также на то, как кризис в Ираке и Сирии все больше и больше перекидывается на соседние государства и создает метастазы, которые отражаются на стабильности государств, институтов и самобытности стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Задача Центра им. Маршалла в том, чтобы поделиться эффективными методами, учиться друг у друга и обсуждать появляющиеся тенденции таким образом, чтобы схватывать идеи относительно того, как Европейский союз и НАТО смогут сформулировать новую стратегию на южном фланге Европы, при этом минимизируя негативные последствия и «сопутствующий ущерб» соседям и партнерам НАТО и ЕС. Я надеюсь, что высказанные в этом выпуске журнала идеи будут способствовать диалогу на эту сложную, но важную тему, а также внесут вклад в стратегическое мышление НАТО и ЕС.

Как всегда, мы в Центре им. Маршалла приветствуем комментарии и соображения на эти темы и включим ваши ответы в последующие выпуски. Пожалуйста, связывайтесь с нами по адресу editor@perconcordiam.org

Искренне ваш,

Кит В. Дейтон
Директор

Кит В. Дейтон
Директор
Европейского центра по изучению вопросов безопасности им. Дж. К. Маршалла

Кит Дейтон вышел в отставку с военной службы в Сухопутных войсках США в конце 2010 г. в звании генерал-лейтенанта, прослужив в вооруженных силах более 40 лет. Его последним назначением на действительной военной службе была должность Координатора США по вопросам безопасности между Израилем и Палестиной в Иерусалиме. В его послужном списке служба в качестве офицера-артиллериста, а также работа на посту офицера по военно-политическим вопросам при штабе Сухопутных войск США в Вашингтоне (округ Колумбия) и военного атташе США в Российской Федерации. В его послужном списке работа на посту директора аналитической группы по Ираку в ходе операция «Свобода Ирака». Генерал-лейтенант Дейтон проходил стажировку в Колледже для старшего руководящего состава при Гарвардском университете. Он также являлся старшим стипендиатом от Сухопутных сил США в Совете по международным отношениям в Нью-Йорке. Генерал-лейтенант Дейтон имеет степень бакалавра истории от Колледжа Вильгельма и Марии, степень магистра истории от Кембриджского университета, а также степень магистра международных отношений от Южнокалифорнийского университета.

Подполковник Гвин А. Карвер работает в Центре им. Маршалла в качестве представителя Военного училища сухопутных сил США; она занимается исследованиями вопросов продвижения американской военной дипломатии и военно-политическими аспектами с основным упором на африканский регион. В качестве «офицера в чужой стране», представлявшей сухопутные силы США, она была старшим военным советником начальника Управления национальной политики контроля за наркотиками; военным атташе в Руанде; и первым американским военным атташе в Южном Судане после получения им независимости. Был также ряд других назначений, способствовавших развитию сотрудничества в сфере обороны и безопасности, борьбе с терроризмом и реализации миротворческих инициатив в странах Восточной, Центральной и Западной Африки.

Габор Шизмазия – преподаватель факультета международных и европейских исследований в Национальном университете общественных услуг в Венгрии, где он читает курсы по теории международных отношений, вопросам безопасности и американской внешней политике, а также по политике безопасности по отношению к Центральной и Восточной Европе. Он является выпускником Центра им. Маршалла.

Генерал-лейтенант Уолтер Т. Лорд, Национальная гвардия сухопутных сил США, является военным управляющим администратором Совета политики по вопросам сил резерва при министре обороны США. Среди назначений были должности офицера по вопросам планирования, политики и обучения в Программе объединенной контактной группы европейского командования США; заместителя национального военного представителя США в Координационной партнерской группе в Верховном штабе объединенных сил в Европе; и начальника европейского отделения в Управлении международных отношений в Бюро Национальной гвардии. Он был направлен в Боснию и Герцеговину в качестве помощника начальника военно-гражданских операций со стабилизирующими силами многонациональной дивизии «Север» в 2002-2003 гг., а также в качестве командира штаба НАТО в Сараево в 2012-2013 гг.

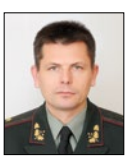
Алфред Лугерт возглавляет исследовательскую группу по изучению политики безопасности в Вене. Он был приглашенным профессором-политологом в Университете Нового Орлеана, а также преподавал в Венском университете, Мюнхенском университете, и в Зальцбургском университете, где он ранее получил степень доктора наук. Он является специалистом по балканскому региону и принимал участие в нескольких миротворческих операциях, включая операции Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и Европейского союза. Он полковник австрийских ВВС в отставке.

Теодор Люсьен Мога – доцент Центра Европейских исследований, Университет им. Александра Иона Кузы в г. Иаси, Румыния. Он работал в Европейской комиссии и британском посольстве в Румынии и прошел ряд исследовательских стажировок в Институте ЕС по исследованию безопасности в Париже, Центре им. Маршалла и в Академии наук Румынии.

Генерал Джон В. Николсон – командующий миссией НАТО «Решительная поддержка» и американским контингентом в Афганистане. Он прослужил более 34 лет в сухопутных войсках США, до недавнего времени был командующим объединенного наземного командования НАТО в Измире, в Турции. До этого он командовал 82 воздушно-десантной дивизией в Форт Брэгг в Северной Каролине. Он закончил Военную академию США, имеет степень магистра в военном искусстве и науках и степень магистра в вопросах национальной безопасности.

Фарид Османов – Стипендиат Chevening и соискатель степени магистра по вопросам общественной политики в Оксфордском университете, Школе управления им. Блаватника. До этого работал в Министерстве иностранных дел Республики Азербайджан, в Атлантическом совете и Университете Хазар в Баку. Он получил степень бакалавра в Бакинском государственном университете и степень магистра по вопросам дипломатии и международных отношений в Университете АДА в Баку. Он является выпускником Программы прикладных исследований в области безопасности Центра им. Маршалла.

Д-р Ральф Ролофф – старший научный сотрудник из Германии и директор Магистратуры в области исследований международной безопасности в Центре им. Маршалла, а также профессор Мюнхенского государственного университета. В настоящее время он разрабатывает новую программу семинаров по тематике европейской безопасности с упором на Восточную и Южную Европу.



Генерал-майор Игорь Толок – заместитель начальника Отдела военного образования и науки, социальной и гуманитарной политики Министерства обороны Украины. У него более 20 лет опыта работы в сфере военного образования и обучения. Генерал-майор Толок имеет степень кандидата педагогических наук и степень магистра в военном управлении крупными подразделениями вооруженных сил от Национального университета обороны Украины.

per Concordiam

Журнал по проблемам безопасности и обороны Европы

БУДУЩЕЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Том 8, № 1, 2017

Европейский центр по изучению вопросов безопасности им. Дж. К. Маршалла:

Руководство

Кит В. Дейтон
Директор

Бен Рид
Заместитель директора (США)

Йоханн Бергер
Заместитель директора (Германия)

Посол Дуглас Гриффитс
Международные связи

Центр имени Маршалла

Европейский Центр по исследованию вопросов безопасности имени Джорджа К. Маршалла – это совместный немецко-американский центр, основанный в 1993 г. Задачей центра является поддержка диалога и понимания между европейскими, евразийскими, североамериканскими и другими государствами. Тематика его очных курсов обучения и информационно-разъяснительных мероприятий: большинство проблем безопасности в 21 веке требуют международного, межведомственного и междисциплинарного подхода и сотрудничества.

Контактная информация:

per Concordiam editors
Marshall Center
Gernackerstrasse 2
82467 Garmisch-Partenkirchen
Germany
editor@perconcordiam.org

per Concordiam – профессиональный журнал, ежеквартально публикуемый Европейским центром исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла и посвященный вопросам обороны и безопасности Европы и Евразии, предназначенный для ученых и специалистов, занимающихся проблемами обороны и безопасности. Мнения, выражаемые в этом журнале, не всегда представляют политику или точку зрения этого учреждения, равно как и любых других государственных органов Германии или США. Все статьи, кроме тех, где указаны авторы, написаны сотрудниками редакции *per Concordiam*. Мнения, выражаемые в статьях, написанных авторами, не являющимися сотрудниками редакции, представляют исключительно точку зрения конкретного автора. Министр обороны принял решение, что публикация этого журнала необходима в целях работы с общественностью в соответствии с требованиями законодательства, распространяющегося на Министерство обороны США.

ISSN 2166-4080 (печатные издания)
ISSN 2166-417X (интернет)

ДВОЙНОЙ ОБЪЕМ – ОНЛАЙН

Читайте новые и старые выпуски *per Concordiam*

http://perconcordiam.com

Отправляйте статьи, отзывы и запросы на подписку в Центр им. Маршалла по адресу: editor@perconcordiam.org

Еженедельно получайте самые свежие новости о *глобальной безопасности*

transnational weekly

http://www.marshallcenter.org

GEORGE C. MARSHALL EUROPEAN CENTER FOR SECURITY STUDIES
DEMOCRATIA PER FIDEM ET CONCORDIAM

Выход Британии из ЕС, ЧТО ПОСЛЕ?

Какие перспективы у европейской безопасности?

Д-р Ральф Ролофф, Центр им. Маршалла ФОТОГРАФИИ: РЕЙТЕР

23 июня 2016 г. запомнится как решающий момент в европейской интеграции. Впервые член Европейского союза решил покинуть эту организацию. Ударная волна прокатилась по Европе и, возможно, также и по самой Великобритании. Это что – начало конца проекта европейской интеграции? Вдохновит ли выход из ЕС Великобритании и другие страны поступить так же? Или уход Великобритании вдохновит оставшиеся страны-члены продемонстрировать больше единства и солидарности и стремление достичь той степени сплоченности, которой ранее не было? Какие же перспективы у ЕС?

Парадоксально, но после референдума в Великобритании обсуждения вопросов дальнейшей интеграции возобновились в ЕС с новой силой. Дадут ли эти дискуссии ЕС новое видение с ускоренной динамикой, какую этот проект единого рынка и единой валюты имел в 80-е и 90-е гг.? Будет «больше Европы» правильным ответом на растущий евро-скептицизм и евро-популизм в странах ЕС?

Ответы на этот вопрос – «Да», «Нет» и «Это от многого зависит». Это зависит от того, что в действительности означает «больше Европы». ЕС – это сложная дифференцированная политическая система, которая следует, по крайней мере, трем принципам: интеграция, взаимозависимость и баланс сил. Это изначально заложенная система сдержек и противовесов. Эффективность, сплоченность и доверие между всеми 28 – скоро, возможно, уже 27 – членами опирается на хорошо отработанный механизм управления этой сложной системой.

Конечно же, выход Великобритании является очень серьезным вызовом для ЕС, поскольку он затрагивает все эти три принципа. Выход Британии сделает интеграцию гораздо более легким процессом, поскольку именно Британия была главным тормозом на пути к более углубленной европейской интеграции. На самом деле, Великобритания, скорее всего, является наименее интегрированным членом ЕС. Она не является участником ни еврозоны, ни Шенгенской зоны, ни банковского союза, ни валютного союза. Считается, что Хартия Европейского союза об основных правах не применима к Великобритании. Без Британии как

Президент Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер проводит совместную пресс-конференцию с Президентом Европейского совета Доналдом Таском, в центре, и премьер-министром Словакии Робертом Фико во время саммита руководителей стран Европейского союза в Брюсселе, Бельгия, в декабре 2016 г.

Выступающие за и против выхода Великобритании из ЕС стоят с пикетами возле здания Верховного Суда Великобритании в центре Лондона 7 декабря 2016 г., на третий день протестов против решения суда о том, что правительству Терезы Мэй прежде, чем начать процесс выхода из ЕС, нужно сначала заручиться одобрением парламента.

члена ЕС процесс углубления европейской интеграции пойдет гораздо легче.

Однако, принципы взаимозависимости и баланса сил уж точно страдают от запланированного выхода Великобритании. Сдерживание ведущей роли Германии в ЕС станет более трудной задачей. Поиск нового внутреннего баланса станет ключевой задачей для оставшихся стран. Самым важным для будущего ЕС будет то, как Германия и Франция организуют свое сотрудничество и как им удастся сохранить Германию как лидера ЕС в рамках функционирующей системы сдержек и противовесов.

В сентябре 2015 г. в своем первом обращении «О положении в Европейском Союзе» перед Европейским парламентом в Страсбурге, Франция, Президент Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер жаловался на недостаток двух основных принципов ЕС: отсутствие глубокой интеграции и недостаточная солидарность между государствами-членами. «Наш Европейский союз находится в плохом состоянии, - заявил он. – В этом союзе недостаточное присутствие Европы. И в этом Союзе недостаточно союза».

На первый взгляд, этот двойной недостаток, похоже, является результатом недостаточной политической воли у государств-членов, и, таким образом, вывод Юнкера простой: с многочисленными кризисными ситуациями, с которыми сейчас сталкивается ЕС, можно справиться, если у государств-членов будет больше политической воли проявлять солидарность и углублять европейскую интеграцию. На самом деле этот вопрос более трудный и сложный. Это не просто недостаток политической воли, а более серьезные фундаментальные проблемы нынешней конструкции ЕС после подписания Лиссабонского протокола.

Оба слабых места – недостаток более глубокой интеграции и недостаток солидарности – являются результатами исторического компромисса, датированного временами Маастрихтского договора и окончанием «холодной войны». Решение углубить и расширить ЕС привело к многоскоростной интеграции с несколькими уровнями и с несколькими требованиями к членству, к различному членству на различных уровнях с различной заинтересованностью в интеграции и, соответственно, различной степенью солидарности среди стран-членов.

Дифференцированная интеграция привела к дифференцированной солидарности среди

стран-членов, подвергая опасности солидарность ЕС в целом. Похоже, основная проблема ЕС, который сейчас сталкивается с многочисленными кризисными ситуациями, в том, как трансформировать дифференцированную интеграцию и солидарность в настоящую работающую систему интеграции. Дифференцированная интеграция и дифференцированная солидарность подорвали согласованность действий и сплоченность ЕС. Важно найти новый внутренний баланс, баланс между государствами-членами и между институтами ЕС и государствами-членами. Иными словами, необходимо создать баланс по горизонтали и по вертикали.

Призыв к союзу в сфере безопасности – это тщательно выбранный проект, поскольку он задействует внутренние и внешние возможности и способности ЕС и призывает отдельные страны играть отдельные роли. Не имеет значения, если поначалу это будет авангардным проектом за пределами правового механизма ЕС, или если он перерастет в «Шенгенскую зону безопасности», проект с постоянным структурированным сотрудничеством в рамках правового механизма, или если он превратится во всеобъемлющий подход, покрывающий внешние и внутренние параметры безопасности. Имеет значение то, что он создает новую динамику и стимулирует позитивные дискуссии внутри ЕС и стран-членов.

Высадка бельгийского спецназа во время учений «Черное лезвие» в ноябре 2016 г. на бельгийской базе ВВС возле г. Флоренне, в котором участвовали несколько стран Европейского союза, и которое было организовано Европейским оборонным агентством.

Если ЕС сможет доказать свою способность успешно справляться с этими вопросами безопасности, европейская интеграция обретет новую силу и новую легитимность. Это будет означать пересмотр всего проекта Европейского союза в эру глобализации, регионализации и ренационализации.

Солидарность важна, однако, конечно же, она не является единственным ключом к эффективной европейской политике. Ограничивая дискуссию только вопросом солидарности, мы полностью теряем возможность увидеть всю картину целиком. В самом деле, солидарность многое означает, но система сдержек и противовесов и внутренний баланс также имеют значение в политической архитектуре ЕС и конструкциях договоров. Дифференцированная интеграция и сдвиг в сторону дифференцированной солидарности являются важными и очень двусмысленными направлениями.

Образовалось что-то вроде частичной солидарности, и в ней заложена способность испортить весь проект ЕС, разъедая его общие ценности и интересы. ЕС – это не международная организация, полагающаяся в основном на солидарность или, другими словами, на консенсус. Это наднациональная политическая система, которая сознательно умерила национальные устремления своих членов. ЕС сконфигурирован таким образом, чтобы сдерживать национализм и однополярность при помощи общих методов. Требуется определенная степень солидарности, поскольку национальный интерес как таковой (что бы он ни означал и какие бы определения ему ни давали) не способствует решению европейских проблем. Основным фактором для ЕС является солидарность, а нынешняя дифференцированная солидарность – это просто временная реальность.

Солидарность – это базовый принцип ЕС, также, как и система сдержек и противовесов и внутренний баланс. Когда мы поймем связь между этими принципами, тогда ЕС выживет и будет развиваться, несмотря на нынешнюю серию кризисных ситуаций и националистических и популистских нападок. В этом истинное значение призыва Жан-Клода Юнкера проявить «больше союза» и «больше Европы» в Европейском союзе. ЕС слишком важен для дела мира, безопасности, демократии, свободы и процветания в Европе и за ее пределами, чтобы дать ему просто так развалиться из-за упрощенного видения перспектив. Дифференцированная солидарность может сгенерировать «больше Европы» и «больше союза», если мы поймем ее пределы и принципы, на которых она основана.

У создания союза безопасности есть возможность принять во внимание дифференцированную интеграцию и дифференцированную солидарность, открывая новую динамику для «большего единства» и «большей Европы», что в конце концов было бы не такой уж плохой перспективой для европейской безопасности после выхода Великобритании. □

НАЗЕМНЫЕ СИЛЫ НАТО

Генерал Джон В. Николсон, Сухопутные Силы США

Сила и скорость имеют значение

Организация Североатлантического договора (НАТО) является одним из наиболее успешных – если не самым успешным – из военных альянсов в истории, обеспечившим почти 70-летний период мира в Европе. НАТО играло ключевую роль в окончании «холодной войны», событии, которое принесло свободу десяткам миллионов людей в Восточной Европе. Альянс внес вклад в предотвращение дальнейшей эскалации конфликта на Балканах и возглавил состоявшую из 50 государств коалицию в Афганистане, которая помогла стабилизировать страну более, чем на десятилетие. НАТО достигло этого путем приспособления своей огромной мощи к особенностям каждого конкретного кризиса.

Командиры взводов из Голландии и Великобритании координируют свои действия на учениях «Серебряная стрела» в октябре 2016 г. на латвийском полигоне Адази. Цель этих ежегодных учений в сокращении времени реагирования НАТО в случае конфликта и увеличении оборонных возможностей.

СЕРЖАНТ ЭРИК ЭСТРАДА/КОРПУС МОРСКОЙ ПЕХОТЫ США

Когда кампания НАТО в Афганистане подходила к концу и главы государств-членов обсуждали вопросы будущей системы безопасности на саммитах в 2010 и 2012 гг., они рассматривали вероятность стратегического партнерства с Россией. Однако, в начале 2014 г., после зимних Олимпийских игр в Сочи, агрессивные действия России в Крыму и на Украине продемонстрировали новую тревожащую эволюцию в ее поведении и риторике.

В ответ на действия России главы государств-членов НАТО на саммите в Уэльсе приняли План действий по обеспечению готовности (RAP), который предусматривал развитие Сил быстрого реагирования НАТО (NRF) с целью адаптировать НАТО к угрозам, исходящим из агрессивных действий России. План действий также включал создание Объединенной группы повышенной готовности.

План действий по обеспечению готовности включает два основных элемента: меры по обеспечению гарантий и меры адаптации. Меры по обеспечению гарантий включают «постоянное присутствие в воздухе, на суше и на море на ротационной основе и значительные военные мероприятия в восточной части альянса», в то время как меры адаптации предполагают увеличение возможностей и способности альянса быстро реагировать на вызовы в сфере безопасности. С момента принятия RAP НАТО поддерживает постоянное присутствие на территории восточноевропейских членов альянса, проводя там учения и обучение сил союзников. Меры по адаптации включают увеличение размера и возможностей NRF и образование подразделений Интегрированных сил НАТО. Шесть из них сейчас уже находятся в восточноевропейских странах НАТО и предназначены для оказания помощи в планировании и размещении NRF и дополнительных сил НАТО.

Произведено усиление и повышение боеготовности многонационального корпуса НАТО «Северо-восток» в польском городе Щецин для того, чтобы поддерживать постоянное наблюдение за северо-восточной границей.

Также была создана многонациональная дивизия «Юго-Восток», перед которой поставлена задача вести постоянное наблюдение в странах на юго-восточных границах НАТО. Кроме того, НАТО предварительно размещает военное оборудование для проведения обучения военнослужащих в странах в восточной части альянса; совершенствует свою способность укреплять военный потенциал союзников на восточном фланге путем улучшения инфраструктуры во всех странах альянса; и совершенствует свои планы обороны путем введения стратегии возрастающего реагирования. Каждая из этих мер адаптации была разработана с целью обеспечить, как указано в RAP, «нахождение нужных войск НАТО в нужном месте с нужным оборудованием и готовность стран-членов за короткий срок собраться и выступить на защиту любого союзника от любой угрозы».

В результате проведенной за последний год адаптации наземные силы НАТО стали сильнее и быстрее, что дает возможность сдерживания вероятного противника. Если сдерживание все же не сработает, эти же самые меры обеспечат силам НАТО решительное превосходство. Специалисты по военному планированию анализируют соотношение сил (COF) на стратегических и тактических уровнях, чтобы определить относительную мощь потенциальных противников. На стратегическом уровне эти расчеты оценивают такие факторы, как размер вооруженных сил страны, их состав, военные бюджеты, численность населения, валовый национальный продукт (ВНП) и политическую легитимность. Сравнение этих стратегических факторов демонстрирует стратегическую мощь НАТО.

Стратегические преимущества альянса перед Россией говорят сами за себя: численность вооруженных сил больше почти в четыре раза, суммарное население превосходит более, чем в шесть раз, суммарный военный бюджет больше в 18 раз, а суммарный ВНП превосходит российский в 20 раз. Более того, снижение экономических и демографических показателей России позволяет сделать вывод о том, что такое соотношение будет сохраняться в обозримом будущем, независимо от планируемой модернизации Вооруженных Сил России, которая, похоже, пробуксовывает.

Стратегический паритет имеется только в ядерном оружии, которое является самой серьезной угрозой для альянса. Простой факт обладания этим оружием, тем не менее, не означает наличие стратегического рычага, если только кто-то не считает, что это оружие может быть использовано.

Хотя детальное обсуждение ядерной политики выходит за рамки данной статьи, желание использовать ядерные возможности в качестве рычага для достижения превосходства имеет отношение к дискуссии о том, как же лучше предотвратить конфликт. Независимо от того, блефуют ли российские руководители, как могут считать некоторые, военные лидеры альянса при планировании мер сдерживания и предотвращения конфликта должны оценивать возможности противника и его заявления о намерениях такими, какими они есть. Основываясь на таких заявлениях и других данных, риск того, что Россия доведет эскалацию наземной войны до использования ядерного оружия не равен нулю. А если риск не равен нулю, то становится еще более важным сдержать конфликт с применением обычного оружия, чтобы он не превратился в ядерный конфликт. Хотя гибридные операции с применением скрытой агрессии и отрицанием очевидных фактов представляют собой наиболее вероятную форму конфликта, все равно необходимо помнить, что дело может дойти до реальной войны с применением обычных вооружений, и что такую войну необходимо предотвратить. Чтобы определить способы сдерживания неядерного конфликта, необходимо рассмотреть тактическое соотношение сил, которые имеют ограничения по времени, масштабу и размаху. И хотя мы имеем над Россией сейчас стратегическое преимущество, она все еще может быть в состоянии создать тактическое соотношение в свою пользу в отдельном месте в отдельное время на ограниченный период.

Планируя нападение при соотношении сил меньшим, чем 3 к 1, дальновидный специалист по военному планированию никогда не сможет гарантировать успех. Исходя из этого, необходимо, чтобы у НАТО была возможность доставить в любую союзную восточноевропейскую страну достаточно мощные средства обороны, чтобы достичь соотношения 1 к 3 по отношению к потенциальной российской агрессии.

На северо-восточных границах НАТО с Россией при существующих условиях у России есть определенные преимущества, которые позволяют ей создать соотношение сил в свою пользу для наступательных действий. Если бы они смогли воспользоваться временным тактическим преимуществом для достижения цели, а затем пригрозили использовать ядерное оружие для того, чтобы посмотреть, каков же будет ответ альянса, это была бы ставка на ядерное оружие, как предмет стратегического паритета, и на ограниченное тактическое преимущество для достижения стратегического результата: разрушение сплоченности альянса.

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА РОССИИ

- **Внутренние линии:** При анализе тактического соотношения сил мы сначала смотрим на внутренние линии, которые повышают способность России сконцентрировать войска на определенных участках границ стран НАТО, т.е. Прибалтики и Польши, быстрее, чем это удастся сделать НАТО. Россия располагает тремя армиями в Западном военном округе, что позволяет развернуть у границ альянса 13-16 тактических групп общей численностью

примерно 35 тыс. человек за 48 часов, и еще 90 тыс. человек в течение 30 дней.

- **Скорость принятия решений:** Единая командная цепочка России позволяет быстрое прохождение решений по всем сегментам правительства. В НАТО же наоборот, для того, чтобы решение альянса приобрело легитимность, оно должно быть одобрено всеми 28 странами, и получение такого одобрения, неизбежно, требует времени.
- **Танки в Европе:** Хотя Вооруженные Силы России в четыре раза меньше, чем суммарные силы всех стран НАТО, они обладают значительным количеством бронетехники, средств ПВО, ракет и артиллерии дальнего радиуса действия и солдат действительной службы, чтобы создать численное преимущество в определенных точках на нашей общей границе прежде, чем будут предприняты широкомасштабные ответные меры НАТО.

  Сравнение количества натовской и российской бронетехники носит назидательный характер. В то время, как альянс сокращал свои танковые силы в Европе после окончания «холодной войны», Россия поставила значительную часть своей техники в хранилища и модернизировала часть своих сил, находящихся в действующем режиме. В ответ на улучшение отношений с Россией США к 2013 г. вывели свои бронетанковые силы из Европы. Таким образом, хотя у НАТО больше действующей бронетехники, чем у России, эти танки рассредоточены по странам альянса, а это означает, что русские могут создать локальное преимущество в бронетехнике на определенный период. Если Россия примет соответствующее решение (и сможет себе позволить реализовать его), то она может восстановить значительное количество танков устаревших моделей и тогда достичь паритета или даже перевеса по отношению к силам союзников.
- **Внезапные учения:** Путем двусмысленных действий и проведения внезапных учений (широкомасштабных учений без предварительного уведомления) Россия неоднократно проверяла на слабость границы НАТО. Такие учения позволяют России совершенствовать свою способность проводить широкомасштабную мобилизацию и оперативные маневры для создания тактического соотношения сил в свою пользу на ключевых участках.
- **Преграждение доступа/блокирование зоны (A2/AD):** этот термин из военной доктрины описывает, как российские силы стремятся перекрыть доступ натовским силам и ограничить их свободу действий на ключевых участках соприкосновения России и НАТО, таких как Черное море, Балтийское море, крайний Север, а сейчас еще и восточное Средиземноморье, путем установки совместных противовоздушных и ракетных зон. Россия стремится восстановить оборонительную глубину, которую она утратила с распадом Советского Союза.

ОСНОВНОЙ ВОЕННЫЙ ОБЪЕКТ ВНИМАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ НАТО

Несмотря на более низкие показатели в целом по сравнению с НАТО, у России есть возможность создавать локальный перевес в тактическом соотношении сил и использовать фактор ядерной угрозы для доминирования при эскалации конфликта. Учитывая это, как могут силы альянса оказать сдерживающее влияние?

Истребители F-16 ВВС Норвегии патрулируют над странами Прибалтики, вылетев на это задание НАТО с литовской базы ВВС Зокниай неподалеку от г. Шяуляй. РЕЙТЕР

Сдерживание – это, в конечном итоге, политический результат в уме потенциального противника, которого удалось убедить в том, что потери от его действий будут превосходить выгоды. Меры предоставления гарантий вносят вклад в сдерживание посредством присутствия небольшого контингента сил альянса, проводящего учения и обучение союзников в странах Восточной Европы. Отрицательной стороной такого подхода «низко натянутой проволоки» является то, что этих сил недостаточно для того, чтобы защитить союзника от внезапного наступления России, и поэтому потребуется военная кампания, чтобы освободить территорию альянса, захваченную Россией.

Альтернативой сдерживающему подходу «низко натянутой проволоки» является сдерживание посредством передовой обороны. Дислокация большого количества войск для достижения благоприятного тактического соотношения сил для обороны (1 к 3) посеет серьезные сомнения у российских руководителей относительно того, смогут ли они достичь своих целей.

Это подводит нас к смешанному варианту, при котором мы сохраняем сдерживающий подход «низко натянутой проволоки» и одновременно совершенствуем нашу способность быстро перебрасывать войска и создавать эффективные оборонительные позиции в соответствии с создавшимися условиями. Эффект сдерживания может быть достигнут при таком варианте за счет демонстрации способности альянса быстро перемещать крупные силы для защиты любого участника альянса, которому угрожают. То есть сдерживаем путем сочетания силы и скорости.

У альянса есть силы и возможности обеспечить сдерживание комбинированным способом, но использоваться они должны не так, как они использовались после окончания «холодной войны». НАТО необходимо начать с осознания понятия коллективной обороны внутри альянса.

Американские и украинские морские пехотинцы стреляют из снайперской винтовки M-40 A-6 во время учений «Платиновая рысь» на полигоне Бабадаг в Румынии в сентябре 2016 г. Эти учения позволяют проводить совместную подготовку военных из стран-членов НАТО и стран-партнеров.

МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ ТИМОТИ ЛУТЦ/КОРПУС МОРСКОЙ ПЕХОТЫ США

- **Индикаторы и предупреждения (I&W):** Первое и самое основное – механизм разведки альянса должен предоставлять адекватные разведывательные признаки и предупреждения о возможной агрессии, которая может перерасти в возможность «вооруженного нападения» в соответствии со Статей 5 Вашингтонского договора. I&W не является исключительно секретной функцией разведки. Также используется информация из открытых источников и оценки ситуации дипломатами.
- **Силы повышенной готовности (HRF):** Следующий шаг – следует обратить внимание на нынешнее ограничение во времени развертывания сил быстрого реагирования НАТО. Силы быстрого реагирования НАТО задействуется по единогласной резолюции Североатлантического Совета, основного политического органа НАТО, принимающего решения, путем развертывания передовых частей, Сил повышенной готовности, в количестве 8 тыс. человек в течение 5-8 дней. Оставшийся контингент Сил быстрого реагирования НАТО начнет перебрасываться через 30-45 дней. Затем начнется переброска основных корпусов военной машины НАТО.

Кроме Сил быстрого реагирования НАТО, большинство стран НАТО имеют национальные силы повышенной готовности. Эти силы находятся в национальном резерве и не подчиняются НАТО в мирное время, но это может произойти в случае возникновения сценария в соответствии со Статьей 5. Если член НАТО решит, что сценарий в соответствии со Статьей 5 действительно имеет место, то тогда эти подразделения будут развернуты. В любом случае эти подразделения могут быть задействованы через несколько дней или недель после принятия решения. Быстрое развертывание этих сил в районах, оказавшиеся под угрозой вторжения, поможет достичь требуемого для обороны соотношения 1 к 3 уже через несколько дней или недель и сбалансирует тактическое превосходство России. Скорость, с которой произойдет размещение войск, сможет частично компенсировать внутренние линии коммуникации войск России и ее ускоренную процедуру принятия политических решений.

Эти подразделения также имеют способность «силового проникновения» на тот случай, если отдельные аэропорты или морские порты окажутся недоступными. Такая возможность «силового проникновения» дает альянсу возможность реагировать на несколько угроз одновременно, например, если Россия начнет горизонтальную эскалацию сразу на нескольких участках.

- **Заранее размещенные силы и оборудование:** тяжелые вооружения обладают большей оборонительной способностью против российских бронетанковых войск. Их более длительный срок размещения (30-90) дней снижает их сдерживающий эффект на ранних этапах кризиса. Однако, предварительно размещенные танки и другие силы бронетехники снизят эффект российских внутренних линий быстрой коммуникации, что позволит более быстро перебросить тяжелые силы сдерживания в европейские страны НАТО, оказавшиеся под угрозой, и выиграть время для дипломатического разрешения кризиса. Решение о предварительном размещении американской тяжелой техники в Европе существенно повышает сдерживающие возможности наземных сил альянса, делая возможным более быструю переброску легких сил с мощными боевыми возможностями, которые смогут прибыть раньше других.
- **Нейтрализация преграждения доступа/блокирования зоны:** чтобы сохранить свободу действия на территории альянса и окружающем ее воздушном и водном пространстве, НАТО должно разработать эффективное противодействие развивающимся способностям России применять тактику A2/AD. Такие возможности существуют, но еще никогда не применялись против российских мест дислокации A2/AD. Продолжающая экспансия России и дальнейшая разработка этой тактики требуют, чтобы альянс разработал планы на тот случай, если придется обороняться. Например, недавняя установка радаров и ракетных систем SA21 в восточной части Сирии увеличивает площадь покрытия российских средств ПВО и захватывает часть воздушного пространства независимого государства Турции (члена НАТО), включая воздушную базу Инджирлик, с которой американская авиация осуществляет боевые вылеты против террористов в Сирии.

- **Устраняя упущения и нехватку оборудования:** Окончание «холодной войны» и проведение 10-летней кампании в Афганистане по понятным причинам настроили армии стран альянса на проведение операций против повстанцев, а не на ведение межгосударственной высокоинтенсивной войны против симметричного противника. В результате, несмотря на стратегические преимущества НАТО в целом в размере вооруженных сил и оборонных бюджетов, существуют определенные упущения и недостатки в том, что касается возможностей обычных вооружений альянса. Их следует рассматривать в контексте последней инициативы альянса в сфере планирования, поэтапных планов реагирования. С целью обеспечить быструю доставку подкрепления и сдерживания эти возможности включают: стратегическую переброску; переносные противотанковые системы; бронетанковые части; противовоздушную оборону; артиллерию дальнего радиуса действия; подразделения разведки, наблюдения и полевой разведки; и средства радиоэлектронной борьбы. Если союзники последуют призыву Генерального секретаря НАТО затрачивать на оборону оговоренные 2% от ВНП, то эти сумму придется еще долгое время тратить на то, чтобы ликвидировать все упущения и недостатки.
- **Обучение и доктрина:** Готовность к высокоинтенсивной коллективной обороне против симметричного противника вызывает необходимость в постоянном пересмотре доктрины и обучения. Например, гибридная война является предметом интенсивного изучения того, как вооруженные силы наилучшим образом поддерживают ответы правительств НАТО на гибридные угрозы; сюда входит контроль за границами, обеспечение правопорядка, разведка и проблемы стратегических коммуникаций и др. Все эти аспекты включены в учения НАТО на всех уровнях.

Обеспечение разведки и зон безопасности в поддержку национальных сил страны является ключевым фактором для быстрого развертывания мобильных войск по сдерживанию гибридной угрозы. Если таким мобильным войскам придется сдерживать бронетанковы части, они могут перейти к тактике мобильной противотанковой обороны при локальном превосходстве в воздухе, что делает необходимым нейтрализацию любой A2/AD угрозы, наличия достаточного количества огневых и противотанковых средств у мобильных сил. Кроме того, для их успешного взаимодействия с бронетанковыми частями, которые будут размещены позднее, для создания передовой обороны, эти мобильные силы должны быть обучены комбинированным оборонительным операциям.

БАЛТИЙСКИЙ СЦЕНАРИЙ

Гипотетический сценарий, в котором объединены тактическое превосходство России в обычных силах с доминированием на этапе эскалации конфликта – это оборона стран Прибалтики. В этом сценарии скорость ответа альянса в первые дни и недели кризиса будет чрезвычайно важна для сдерживания противника и предотвращения конфликта. Введение сил повышенной готовности на раннем этапе кризиса дает возможность альянсу достичь соотношения в обычных силах 1 к 3 в течение первых двух недель кризиса и соотношения 1 к 2,5 вскоре после этого. Таким образом, российские войска будут не в состоянии достичь гарантированной победы. Это критически важно для сохранения времени и пространства, необходимого для разрешения любого кризиса дипломатическими путями.

Кроме скорости передвижения военных, мы также должны принимать во внимание скорость принятия решений на политическом уровне. Скорость политических решений требуется, чтобы не допустить войны. Таким образом, быстрое принятие политических решений позволяет сохранить политические варианты разрешений кризисов при меньшей цене в военной сфере. При детальном планирования происходит диалог между военными и гражданскими руководителями, во время которого они узнают о возможных вариантах и обеспечивается взаимодействие как военных сил, так и политических лидеров. Таким образом, сила и скорость НАТО создают политические варианты решений, позволяющие предотвратить доведение дел до войны. Однако, если же сдерживание не даст результатов, то сила и скорость обеспечат нам преимущество в конфликте.

Сплоченность и компетентность наземных сил НАТО никогда не были так высоки. Этот высокий уровень профессионализма и боевого опыта является беспрецедентным и намного превосходит показатели любых других альянсов или армий отдельных стран, включая Россию.

ВЫВОДЫ

Самая главная цель НАТО – это предотвращение конфликта. Военные силы вносят в это свой вклад путем сдерживания конфликта с применением обычных вооружений. Предотвращение конфликта, в конце концов, является политическим или дипломатическим усилием, которое поддерживается готовностью военных защищать наши жизненные интересы. Мы оказываем сдерживание за счет нашей силы и скорости, являющимися результатом нашей постоянной готовности.

В конечном итоге мы надеемся, что настанет время, когда мы с Россией будем вместе сотрудничать по вопросам, предоставляющим взаимный интерес. Если же сдерживание не сработает, то стратегические преимущества НАТО обеспечат нам перевес в конфликте. □

ПРИМЕЧАНИЕ: генерал Николсон опубликовал полную версию этой статьи в весеннем выпуске журнала «PRISM» за 2016 г., издаваемом Национальным университетом обороны, том 6, №2. http://cco.ndu.edu/Publications/PRISM/PRISM-Volume-6-no-2/Article/835046/natos-land-forces-strength-and-speed-matter/

Сохраняя безопасность ЕС

Региональное взаимодействие исключительно важно в ответ на опасности, создаваемые многочисленными кризисами и новыми неопределенностями

Габор Шизмазия, Национальный университет государственной службы, Будапешт, Венгрия

ФОТОГРАФИИ: РЕЙТЕР

Поскольку основной движущей силой интеграционных процессов является давление как изнутри, так и извне, то сегодняшняя обстановка в сфере безопасности должна, по идее, гарантировать дальнейшее развитие безопасного европейского сообщества. Международный терроризм, массовый приток беженцев, вооруженные конфликты на границах Европы и недостаточная сплоченность внутри Европейского союза, теоретически, не должны создавать новых проблем, поскольку сообщество так или иначе с ними уже сталкивалось. И все же, террористические нападения Исламского Государства и их сторонников в Европе, непростая ситуация с миграцией, кризис на Украине и выход Британии из ЕС, помимо всего остального, создали новую динамику, где во главу угла стали вопросы безопасности. В то же время эти проблемы призывают к тому, чтобы провести самоанализ и сделать выводы относительно политических решений ЕС и действий его членов. Сюда входят и страны Вышеградской группы, союза четырех восточноевропейских стран: Чешской Республики, Венгрии, Польши и Словакии. В этой связи внутренние и внешние проблемы ЕС наглядно свидетельствуют о недостатках в сфере геополитики, функционировании институтов и принципов существования.

Бойцы национальной гвардии охраняют здание президентской администрации на Украине в декабре 2016 г. против националистических группировок, требующих выпустить своих арестованных сторонников.

После выхода Великобритании из ЕС геополитическое будущее единой Европы выглядит туманным. Во-первых, выход Британии из ЕС означает потерю государства-члена со значительными возможностями в мировой политике и сферах финансов и безопасности. В то время как последствия отхода от ЕС будут ощущаться в самой Великобритании, вне всякого сомнения, потеря Великобритании снизила статус ЕС как глобального «игрока». Во-вторых, борьба за будущее Украины болезненна для Европы из-за ее политической и этической важности. Хотя основным источником конфликта стало решение Украины установить более тесные контакты с ЕС, на самом деле этот кризис на восточных границах Европы возник как противостояние Запада и России, причем отношения между США и Россией, а также между НАТО и Россией сыграли в этом гораздо большую роль, чем с ЕС.

Тем временем, несмотря на постоянные усилия создать действенный и эффективный механизм в конкретных сферах, В некоторых сферах ЕС чрезмерно развит и недоразвит одновременно. Управление границами является одной из таких сфер: с одной стороны, ЕС установил свободу передвижений на всей территории с необходимыми механизмами. С другой стороны, управление внешними границами было отдано членам на внешних границах ЕС, чьи возможности оказались недостаточными под натиском массовой миграции. Из-за вопросов миграции у членов ЕС в Центральной и Восточной Европе стало наблюдаться отсутствие солидарности и доверия по отношению к некоторым действиям внутри ЕС. Среди европейцев произошел глубокий раскол – как на региональном европейском уровне, так и на национальном – по поводу того, стоит ли принимать такие огромные партии беженцев. Для многих этот вопрос напрямую связан с защитой национального суверенитета, который – с точки зрения политических институтов – имеет отношение к межправительственной критике, в основном направленной на политическую роль Европейской Комиссии и недостаток доверия между странами-членами.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Для того, чтобы понять причины возрастающего беспокойства, необходимо рассмотреть точку зрения жителей Центральной и Восточной Европы относительно того, что сейчас происходит с системой безопасности в Европе. Во-первых, перспективы этих стран определяются их географическим положением и их историческим опытом. Регион Центральной и Восточной Европы находится на линии разлома между Западом и Востоком. Именно поэтому геополитика всегда заметно влияла на их внешнюю политику и политику в сфере безопасности. Хотя эти страны – поскольку они прошли схожий исторический путь – обычно считаются единой группой, геополитическое мышление каждой из этих стран разное. Это видно по их отношению к источнику угрозы. Иными словами, история преподала им различные

Выход Британии из ЕС поднимает вопросы о будущем европейской политики безопасности.

уроки относительно того, как общаться с Россией и насколько им стоит надеяться на своих партнеров в Западной Европе и США.

Во-вторых, как следствие геополитического аспекта, несмотря на критику в адрес Брюсселя, страны этого региона имеют твердую приверженность Евроатлантической интеграции. Получив обратно свою свободу и независимость после окончания «холодной войны», страны Центральной и Восточной Европы начали проводить внешнюю политику, нацеленную на «возврат в Европу». И хотя на пути к присоединению – а потом и вступлению в ЕС – встречались разочарования, эти страны безоговорочно хотят видеть ЕС цельным и сильным. Это было также видно и в случае с выходом из ЕС Британии. Правительство Венгрии, например, - также как и правительства других членов Вышеградской группы – во время проведения кампании референдума в Британии четко дало понять, что хотело бы видеть Великобританию в составе ЕС, а решение других членов ЕС оставаться в организации назвало «позитивным ответом на самый важный вопрос». Кстати, уже после британского референдума четыре страны Вышеградской группы заняли решительную позицию в пользу укрепления ЕС, подчеркивая, что будущие отношения между Великобританией и ЕС должны строиться, исходя из позиций защиты и укрепления ЕС.

Соответственно, страны Центральной и Восточной Европы стараются избегать разногласий, особенно со

своими западноевропейскими партнерами. Разделение континента на «Старую Европу» и «Новую Европу» по вопросу о вводе войск в Ирак в 2003 г. создало неловкую ситуацию для стран региона, поскольку они вступили в конфронтацию с западноевропейскими партнерами по ЕС, в частности с Францией и Германией. Кроме очевидных различий во внешней политике, этот раскол также был мрачным периодом для этих стран, поскольку им дали понять, что существует иерархия европейских стран. Население Центральной и Восточной Европы очень чувствительно в этом вопросе. У этих стран уже были памятные периоды в истории, когда они подчинялись великим державам; и сейчас они чувствуют себя некомфортно, когда к ним относятся как к членам европейского сообщества второго сорта. С таким отношением пришлось столкнуться, когда Польша предложила расширить инфраструктуру НАТО на ее территорию – предложение, сделанное за много лет до кризиса в Украине. Преодоление своего бурного прошлого и присоединение к ЕС стран Центральной и Восточной Европы – или их «возвращение в Европу» - сделали термин «Новая Европа» неточным с исторической и культурной точки зрения и в принципе неприемлемым. Это станет еще более понятным, когда мы рассмотрим другой исторический опыт этих стран, а именно роль потенциального буфера в силу географического расположения. Покойный Оскар Халецкий, эксперт по истории региона, указывал, что в определенные периоды страны Центральной и Восточной Европы были оплотом христианства и западной культуры, о чем часто забывают.

«НОВАЯ ЕВРОПА» И БЕЗОПАСНОСТЬ

В свете нынешней сложной политической обстановки на востоке и на юге региона вопросы безопасности для стран Вышеградской группы приобрели первостепенное значение. Их более реалистичное мышление, ориентированное на безопасность, было продемонстрировано во время украинского кризиса. Во-первых, опять-таки в силу географических и исторических причин у них больше опыта в общении с Россией и, таким образом, они в состоянии более четко сформулировать свои соответствующие мнения относительно увеличения военного присутствия союзников, оказания поддержки Украине и введения санкций в отношении России. В вопросах определения угрозы, мнения участников Вышеградской группы различаются. Это было очевидно с самого начала с расширением военного присутствия НАТО в регионе, пусть даже и при единогласно одобренной политике заверения восточных партнеров и увеличении оборонных бюджетов. Более того, оборонное сотрудничество стало основным объединяющим компонентом деятельности стран Вышеградской группы, который символизировался различными военными учениями и созданием Вышеградской боевой группы.

Флаги Польши, США и Великобритании развиваются во время учений НАТО «Анаконда -16» неподалеку от польского города Торун. Польша добилась того, чтобы большее количество войск НАТО было расположено на ее территории.

Венгерские полицейские спешат на помощь семье мигрантов, которая от отчаянья бросилась на рельсы в г. Биске.

Учитывая, что всегда есть возможность для развития, члены группы выступали с различными инициативами, что видно из подписания ими в 2014 г. «Долгосрочных перспектив углубления оборонного сотрудничества стран Вышеградской группы», а также из их общего желания сохранить трансатлантическое единство, например, посредством участия Вышеградской четверки в многонациональных подразделениях в странах Прибалтики на ротационной основе. В более широком смысле трансатлантической безопасности определение кризиса на Украине в геополитическом контексте впервые появилось у стран Вышеградской группы. С тех пор ЕС подвергается резкой критике, несмотря на все усилия, прикладываемые союзом, его не рассматривают как ключевого игрока в урегулировании конфликта. Хотя драматический разворот Киева от Москвы был спонтанным и явился для всех полной неожиданностью, ЕС играл важную роль, предлагая возможности более тесного сотрудничества между ЕС и Украиной. Как упоминалось ранее, члены ЕС из Центральной и Восточной Европы, включая страны Вышеградской группы, приняли решение «вернуться в Европу», таким образом разделяя энтузиазм своих соседей относительно европейской интеграции. Тем не менее, им хотелось бы видеть, что к их собственной поддержке Киева добавилась еще и более решительная помощь Украине со стороны ЕС.

С точки зрения Вышеградской группы, ЕС показал себя довольно слабым в геополитическом смысле, причем, не только в Украине, но также и в Сирии. Что касается последней, то страны Вышеградской группы предпочли бы решать проблему коренным образом, т.е. добиваться окончания войны в Сирии, хотя они понимают, что ЕС не в состоянии выполнить такую задачу. Геополитический вес этой организации еще больше снизился сейчас, когда оформляется выход из нее Великобритании. Такое развитие событий дает нам дополнительные свидетельства того, что континентальной Европе нужна единая европейская армия. Эта идея не нова, однако ее актуальность зависит от неопределенности американской внешней политики и политики в сфере безопасности. Как президентство Дональда Трампа – чья позиция по отдельным вопросам во время предвыборной кампании была либо схожа, либо диаметрально отличалась от взглядов политиков Вышеградской группы – повлияет на отношения США со странами Центральной и Восточной Европы (если вообще повлияет) и какие последствия это будет иметь для европейской безопасности и ЕС в целом. И хотя еще слишком рано давать ответы на эти вопросы, необходимо с уверенностью отметить, что трансатлантическое единство будет укрепляться, и что, как разногласия, так и общность интересов будут создавать побудительные мотивы для более глубокого регионального и общеевропейского сотрудничества в сфере безопасности.

В настоящее время своеобразным испытанием такого сотрудничества на прочность является кризис с беженцами, который страны Центральной и Восточной Европы рассматривают в разрезе безопасности, что отличает их от некоторых западноевропейских партнеров. В этой связи различия между «Старой» и «Новой» Европой заключаются в следующем: с точки зрения последней, первая группа представляет собой страны, которые в политическом плане стоят на месте, не в состоянии адаптироваться к переменам, в то время как вторая группа состоит из стран с более реалистичными взглядами на проблемы, с которыми сталкивается Европа. Как следствие этого, страны Вышеградской группы основной упор делают на защите внешних границ, что является чрезвычайно важным по двум причинам: во-первых, сдерживая нерегулируемую миграцию, сокращается стоимость поддержания внутренней безопасности, и, во-вторых, что имеет отношение к пункту первому, это будет свидетельством сохранения Шенгенского соглашения. Таким образом, вопрос о миграции населения объединяет страны Вышеградской группы, которые считают, что инициатива Европейской Комиссии по урегулированию кризиса вышла за рамки первоначального мандата и настаивают, что политическая роль лидера

должна быть передана Совету Европы (и национальным парламентам). Страны Вышеградской группы протестуют против предыдущей миграционной политики, принятой комиссией, которая, по их мнению, только усугубила проблему, создав предпосылки для последующих наплывов мигрантов. В ответ эти страны совместно предложили создать «Механизм реагирования на миграционный кризис». Вариант, предложенный Вышеградской группой, базируется на принципе «гибкой солидарности», цель которого в том, чтобы дать странам ЕС больше пространства для маневра, когда они будут определять форму и размер своего участия. Хотя о вероятности принятия этих предложений пока говорить рано, они свидетельствуют о более активной роли, которую страны Вышеградской группы играют в формировании политики безопасности.

И все же страны Центральной и Восточной Европы не идут на прямую конфронтацию с другими членами ЕС и соблюдают субординацию. Ярким примером тому являются отношения ЕС с Россией в свете кризиса на Украине. Несколько стран Вышеградской группы высказывали опасения относительно того, что экономические санкции, введенные против России, могут быть контрпродуктивными. Более того, существуют опасения, что эти санкции поставят страны Центральной и Восточной Европы в невыгодное положение, поскольку их западноевропейские партнеры будут иметь больше преимуществ, когда ситуация нормализуется и экономические отношения с Россией восстановятся. Это просто тревожные мысли, а на практике ни одна из стран Вышеградской группы никогда и не пыталась расколоть единство в отношении политики санкций. И тем не менее, это поднимает вопрос о доверии, который также присутствует и в сфере энергетической безопасности. Споры относительно строительства газопровода «Северный поток – 2» еще не улеглись, и у стран Вышеградской группы есть свое мнение относительно возможных отрицательных последствий ввода в эксплуатацию трубопровода, который соединит Россию и Германию. Вместе с тем, как вопрос экономических санкций, так и вопрос энергетической безопасности вызывают сомнения относительно степени доверия между западными и восточными членами ЕС в сфере экономической безопасности. В более широком смысле – и особенно в вопросе урегулирования кризиса с беженцами – страны Вышеградской группы особо подчеркивают важность доверия, как фундамента сотрудничества и совместных действий в рамках ЕС. Иными словами, новые члены ЕС считают, что краеугольным камнем европейского единства является принцип равного партнерства.

РЕКОМЕНДАЦИИ

По мнению стран Вышеградской группы, сохранение единства в Европе должно начаться с повышения региональной сплоченности. Следует помнить, что хотя эти страны указывают на тот же самый набор проблем (например, миграция, терроризм, дезинтеграция ЕС и испорченные отношения с Россией), чувство угрозы, связанное с этими проблемами, у них разное. Соответственно, они должны продолжать осторожно формулировать свои национальные взгляды, которые слегка отличаются, чтобы не отдалить себя друг от друга и от западноевропейских партнеров. Более того, повышенное двустороннее и многостороннее сотрудничество в Центральной и Восточной Европе должно помочь странам Вышеградской группы и их партнерам в том, чтобы их голоса услышали в западноевропейских столицах, в Брюсселе и во всем мире.

Во-вторых, уроки прошлого учат нас избегать разделительных линий. Разногласия по ряду вопросов безопасности – от миграции до энергетической политики – разделяют страны Вышеградской группы и некоторых членов ЕС. Страны Вышеградской группы верно определили доверие, как фундаментальную отправную точку для начала работы над этими разногласиями. Хотя все еще сохраняется вероятность того, что сценарий «Новой» и «Старой» Европы повторится в урегулировании этих вопросов, он будет контрпродуктивным: с выходом Великобритании из ЕС, страны Вышеградской группы теряют важного союзника в ЕС по некоторым вопросам, относящимся к безопасности.

В то же время страны, взгляды которых на вопросы безопасности отличаются от взглядов членов Вышеградской группы, должны напомнить себе, что Вышеградская четверка – и все страны Центральной и Восточной Европы в целом – имеют огромный исторический опыт в решении проблем геополитики, а также европейского единства и равенства. Их твердая приверженность западным ценностям не изменила их историю, а с другой стороны, не завоевала им полное признание со стороны «Старой Европы». Соответственно, проблемные ситуации на востоке и на юге региона в первую очередь затрагивают новых членов ЕС, и их доводы не направлены исключительно на отстаивание своих собственных отдельных национальных интересов, но также имеют отношение к вопросам безопасности всего европейского сообщества в целом. □

Укрепляя соседние страны

Политика ЕС в отношении своих соседей должна быть последовательной и согласованной

Теодор Люсьен Мога, доцент
Центра Европейских исследований, Университет им. Александра Иона Кузы

ИЛЛЮСТРАЦИЯ PER CONCORDIAM

Европейский Союз всегда отвечал на проблемы в соседних странах распространением и воплощением своих основополагающих ценностей, норм и принципов. Самым действенным инструментом ЕС является механизм расширения членства. Поскольку ЕС не может расширяться неограниченно, в 2004 г. была принята Европейская Политика Соседства (ЕПС), целью которой является укрепление стабильности, безопасности и процветания в странах за пределами ЕС. Тем не менее, ЕС оказался не в состоянии значительно снизить уровень проблем в странах, находящихся у его границ. Наоборот, страны, находящиеся вблизи ЕС, стали менее стабильными и безопасными. На юге, вдоль бассейна Средиземного моря, в 2011 г. «Арабская весна» привела к беспрецедентной волне политических, экономических и военных потрясений, кульминацией которых стали гражданская война в Сирии, возникновение ИГИЛ, также известное под названием Даиш, и полный хаос в Ливии после падения централизованной власти. На востоке, после саммита «Восточного партнерства» в Вильнюсе в ноябре 2013 г., кризис на Украине привел к региональной нестабильности в постсоветской Восточной Европе, что поставило под угрозу безопасность во всей Европе. С тех пор, многие выражали опасения относительно ЕПС и призывали к пересмотру всей политической схемы. «Просчет», «отсутствие предварительной оценки», «неполное понимание региона(-нов)» и «необходимость в политике, лучше приспособленной под страны-партнеры» - вот некоторые из фраз, звучащих в политических дискуссиях и рекомендациях относительно будущей политики.* Критики усомнились в действенности «преобразовательной силы» Европы в соседних странах, и, в конце концов, Европейскую Комиссию попросили сформулировать ответ на происходящие события. С этой целью публикация обозрения ЕПС в ноябре 2015 г. еще раз обратила внимание на «необходимость нового подхода, пересмотра приоритетов и введения новых методов работы».

ЕПС №2: Что же на самом деле нового?

Однако, обновленная ЕПС, также, как и ее предыдущая версия, не имеет достаточного механизма для эффективного реагирования на региональные потрясения, а также гибкости в противостоянии различным угрозам. Новая политика добрососедства не имеет достаточного механизма для эффективного реагирования на региональные потрясения. Это связано с фазой концептуализации ЕПС в 2003-2004 гг. ЕПС была смоделирована по принципу расширения самого ЕС (за вычетом привлекательного промежуточного этапа присоединения), что в конечном итоге оказалось неподходящим решением, учитывая сложности и неопределенности в странах-соседях ЕС. Главной идеей было то, что более плотное экономическое сотрудничество и интеграция стран ЕПС в экономику ЕС параллельно с распространением европейских основополагающих идей (таких, как демократия, права человека, экономический рост и социальное обеспечение), что способствовало бы образованию «общественного самосознания» и, соответственно, укреплению региональной стабильности и безопасности. Таким образом, устанавливая прочные связи со странами ЕПС, ЕС пытается привлечь соседние страны в более широкое сообщество безопасности. Однако, первоначальная положительная оценка ЕПС, похоже, оказалась завышена, поскольку ограниченные привлекательные стороны ЕПС не смогли дать соседним странам достаточную мотивацию заплатить требуемую цену за сближение с ЕС и начать проведение коренных реформ. За прошедшие пару лет ЕС также пришлось столкнуться с явлениями совершенно иного характера, такими, как вновь возникшая неуверенность относительно сферы безопасности и геополитическое противостояние, что шло вразрез с усилиями ЕС по стабилизации региона. Потрясения, исходящие из неспокойных окрестностей ЕС, внесли перенапряжение в его работу, поскольку ЕПС изначально была смоделирована в соответствии с мягкой нормативной логикой, которая вряд ли бы смогла прижиться в неуравновешанной среде, не имеющей необходимых условий для функционирования «общинного подхода».

Таким образом, как видно из «Обзора ЕПС» за 2015 г. и «Глобальной стратегии Европейского союза» (ГСЕС) за 2016 г., ЕС необходимо разработать новый подход, позволяющий более реалистично воспринимать его традиционные общественные механизмы. И тем не менее, одновременное задействование ЕПС в своей политике двух логических посылов, «основанного на интересах» и «основанного на ценностях», может только снизить ее достоинства, из-за чего она

* Более детальный анализ содержится в: Мога, Т.Л. в «Теории политики европейского соседства», изд. Гстол, С. и Шунц, С., г. Абингтон, изд-во Раутледж, 2016 г.

начнет выглядеть неэффективной. До настоящего времени трудности в примирении этих двух подходов (интересы против ценностей) стали очевидны уже с 2004 г. Отсутствие концептуальной ясности, в свою очередь, выразилось в политике по отношению к соседним странам, охарактеризованной внутренней несогласованностью и непоследовательностью. Более того, распространение имиджа, сочетающего в себе нормативные и геополитические составляющие, привело к тому, что ЕС не смог представить себя ни как институт преобразований, основанных на ценностях, ни как геополитического стратега, ставящего во главу угла интересы. Конструктивная двойственность, проявленная ЕС, особенно озадачила соседние страны, пытавшиеся понять действия ЕС. Даже сегодня ЕС должен дать четкие объяснения относительно конечных политических целей «finalité politique» своего взаимодействия с соседними странами вместо того, чтобы колебаться между теориями исключения и включения и между ограниченной и полной интеграцией. Кроме того, серьезные опасения относительно безопасности так и остаются без ответа, поскольку настоящая европейская «дорожная карта» урегулирования продолжающихся конфликтов остается размытой.

Вместо этого ЕС недавно представил новую концепцию «жизнестойкости», что было основным лейтмотивом «Обзора ЕПС» за 2015 г. и ГСЕС. Жизнестойкость соседних с ЕС государств, похоже, является не только краеугольным камнем в долгосрочных отношениях ЕС с соседями, но также и ключевой концепцией обоих документов, поскольку это слово и производное прилагательное «жизнестойкий» было использовано в них не менее 50 раз (девять раз в обзоре ЕПС и 41 в ГСЕС). Если мы добавим еще 29 раз, когда это слово было использовано в другом важном документе, опубликованном Европейской комиссией в 2016 г., «Совместная структура противостояния гибридным угрозам – ответ Европейского Союза», то становится еще более очевидным, какое значение политики Евросоюза придают концепции «жизнестойкости».

На то время обзор ЕПС был одним из первых документов, включающих создание жизнестойкости в качестве цели внешней политики; позднее ГСЕС определил жизнестойкость как «способность государств и обществ осуществлять реформы внутри самих себя, и, таким образом, преодолевать внутренние и внешние кризисы и восстанавливаться после них». А именно, создание «государственной и общественной жизнестойкости к югу и к востоку от наших границ» определено как один из пяти приоритетов действий ЕС за его пределами. Остальные приоритеты включают в себя обеспечение собственной безопасности ЕС; разработку интегрированного подхода к конфликтам и кризисам; способствование развитию региональных порядков сотрудничества; и переосмысление и адаптацию глобального уравления ЕС в соответствии с требованиям XXI века). Таким образом, создание жизнестойкости представляет собой очевидное направление в концептуализации международных отношений ЕС, которое поддерживается «принципиальным прагматизмом» в качестве нового оперативного инструмента в его распоряжении.

ИГИЛ, спровоцировавший нестабильность по всему ближневосточному региону, поджег иракское нефтяное месторождение.
AFP/GETTY IMAGES

Этот новаторский принцип на самом деле не далеко ушел от предыдущего взгляда ЕС на международную политику. Согласно ГСЕС, он прагматическим образом сочетает в себе «реалистическую оценку нынешней стратегической обстановки» с «идеалистическими устремлениями к построению лучшего мира». Такой двойной подход опять может создать больше новых теоретических и практических сложностей, чем решить старых, поскольку противоречие сохраняется в самих его терминах. С концептуальной точки зрения, международный «игрок» с идеалистическими взглядами может выполнять только действия, которые строго соответствуют моральным общепринятым ценностям. Совершение действий выборочно, в каждом конкретном случае руководствуясь прагматической оценкой затрат и выгод, рискует оказаться несовместимым с идеалистическими «мантрами» ЕС. ЕС не может действовать в идеалистической и реалистической манере одновременно. Это тот случай, когда надо выбрать либо одно, либо другое. В противном случае, действия ЕС на международной арене обречены на жесткую критику как несогласованные и непоследовательные, что может привести к негативным последствиям. «Политики должны платить цену за свои идеалистические амбиции, когда оказывается, что они не могут поступать в соответствии со своими идеалами, или когда они намеренно нарушают их своими действиями или бездействием; такие игроки на международной арене в лучшем случае теряют доверие/легитимность, а в худшем их могут обвинить в лицемерии», - замечает Майкл Смит в своей статье в журнале «Contemporary Security Policy». Например, мы можем наблюдать противоречивость намерений при оценке подхода ЕС к России. Признавая факт ухудшения отношений в результате незаконной аннексии Крыма и дестабилизации обстановки на востоке Украины, ЕС также признает, что конструктивное сотрудничество с Российской Федерацией приветствовалось бы в разрешении общих проблем. Это указывается как в обзоре ЕПС, так и в ГСЕС. Аналогичная ситуация и в отношениях с южными соседями, где ЕС и дальше продолжает поддерживать демократические преобразования в странах региона и, в этой связи, настаивает на укреплении сотрудничества и партнерских отношений, несмотря на тот факт, что авторитарные тенденции в регионе возрождаются довольно быстро (например, в Египте).

«Жизнестойкость» как противовес

Что действительно заставляет ЕС принимать ответные действия, так это отрицательные последствия «гибридных угроз» для европейской безопасности. Согласно оценке Европейской Комиссии, концепция гибридной угрозы определяется как «смесь принудительных и подрывных действий, конвенциональных и неконвенциональных методов (например, дипломатических, военных, экономических, технологических), координация которых может осуществляться государством или негосударственным образованием для достижения определенных целей, воздерживаясь при этом от открытого объявления войны». В последнее время эта концепция

Боец гражданской обороны ищет под руинами пострадавших, оставшихся после авианалета на г. Идлиб в Сирии в декабре 2016 г. РЕЙТЕР

ассоциируется с российскими тайными военными операциями на Украине и с агрессивной тактикой ИГИЛ на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Например, если абстрагироваться от резкой конфронтации в регионе Донбасса, конфликт на Украине попадает под определение кибервойны, поскольку в нем задействованы дезинформация и пропаганда высокого уровня (особенно в социальных сетях). Для достижения своих стратегических целей ИГИЛ часто прибегает к широким информационным кампаниям для вербовки радикально настроенных людей или для призыва к своим сторонникам совершать определенные террористические акты.

Несмотря на то, что гибридные угрозы становятся все более заметными, о них прямо не упоминается в обзоре ЕПС. В нем делается акцент на стабилизации окружающих ЕС стран и на необходимость «работать над предотвращением конфликтов посредством раннего оповещения», но при этом термин «гибридный» не используется. Тем не менее, в документе обращается внимание на некоторые моменты, подпадающие под определение гибридной угрозы (терроризм, пропаганда и информационная война, кибер-преступления и т.д.) и называются средства противостояния им. И только позже, в апреле 2016 г., Европейская Комиссия издала документ, «Совместный механизм противостояния гибридным угрозам – ответ Европейского Союза». В нем за ЕС признается роль института, несущего ответственность по обеспечению безопасности и обязанного совершенствовать свои возможности в этой области. В документе также говорится, что в настоящее время угроза стабильности и безопасности ЕС исходит из стран, находящихся по соседству с ЕС. Учитывая всю сложность и многогранность данной концепции, в документе была сделана попытка дать определение термину «гибридной угрозы» для дальнейшего его использования в военном лексиконе ЕС и с целью выявления различий с «обычной угрозой». Документ, кроме этого, преследовал цель дать набор рекомендаций относительно сдерживания потенциального использования противником гибридной тактики. В нём были даны рекомендации по повышению степени осознания угрозы, обеспечению жизнестойкости, ожидание более решительных ответов членов ЕС и партнёров по ГСЕС на кризисные ситуации, увеличение роли «Общей политики в сфере безопасности и обороны» и укрепление связей между ЕС и НАТО. Позднее, этот всеобъемлющий подход был последовательно представлен в ГСЕС-2016, поскольку внутренняя безопасность ЕС представляется неразрывно связанной с его действиями на внешней арене и безопасностью соседних с ЕС стран. Предстоит еще увидеть, сможет ли реализация рекомендаций из «Совместного механизма противостояния» привести к более тесному сотрудничеству стран ЕС и стран ЕПС в сфере противостояния гибридным угрозам.

Выводы

Есть вероятность, что стратегическим приоритетом у восточных и южных соседей ЕС в ближайшее время станет жизнестойкость, и все еще неясно, насколько

Мужчина несет украинский флаг перед подразделениями полиции по борьбе с беспорядками во время антивоенного марша в Москве в сентябре 2014 г.
РЕЙТЕР

успешным будет обеспечение жизнестойкости в этих странах, особенно в условиях возрастающих гибридных угроз. Рассмотренный набор рычагов управления внешней политики ЕС, главным образом включает в себя определённую абстрагированность, которая лишает иллюзий тех, кто ожидает более конкретных шагов или более решительного поведения. Аналогичным образом, те, кто ожидают от ЕС политики, основанной на либеральной морали, также будут разочарованы новым прагматичным подходом ЕС к мировым делам. На этом фоне путаница, преднамеренно создаваемая гибридной тактикой, скорее всего, и дальше будет осложнять способность ЕС выработать действительно согласованный ответ, и предпочтение будет отдано индивидуальным действиям отдельных государств-членов. Для большей эффективности, ЕС должен объединить интересы всех государств-членов в единую систему, которую со временем можно было бы усилить «силами быстрого реагирования», в состав которых будут входить представители вооруженных сил и разведки из соседних с ЕС стран.

Данный краткий анализ показал, что не следует ждать быстрых результатов от ЕПС № 2.0, что не должно являться полной неожиданностью, учитывая, как медленно принимает ЕС единогласные решения в ответ на события в мировой политике. Хотя ЕС и претендует на особое положение в странах-соседях и на более широкой международной арене, он всё еще остается сторонником принятия мягких решений, что заставляет ЕС воздерживаться от смелых действий. Таким образом, мягкое воздействие остается сильной стороной политики ЕС, но и его самой большой слабостью. □

СИЛЫ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Государства-члены Европейского Союза рассматривают возможность использования «национальных гвардий» для противодействия угрозам внутри Европы.

Альфред Лугерт при участии
Владислава Бартожевски, Томаса Форсберга, Марии Грации Галантино, Алена Ламболл, Алена Пеллегрини, Александры Ричи и Уолтера Таншица

Политики, СМИ и академические политические круги приветствовали презентацию Совету Европы Глобальной стратегии Европейского Союза (EUGS) по вопросам внешней политики и политики безопасности, сделанную Вице-президентом Комиссии ЕС и Верховным представителем ЕС по иностранным делам Федерикой Могерини 28 июня 2016 г. Сегодня, как и всегда для Европейского Союза (ЕС), требуется взвешенная внешняя политика, – указывает профессор Свен Бископ из Королевского института международных отношений в Брюсселе в своей работе «Глобальная стратегия ЕС: реальная политика с европейскими характеристиками».

«Прежде всего, EUGS обеспечивает новый всеобщий подход к внешней политике и политике международной безопасности, который следует считать корректировкой предшествующей «Европейской стратегии безопасности» (ESS), принятой в 2003 г., - считает Бископ. – Жизненные интересы, определенные в EUGS, являются таковыми для всех государств-членов: это безопасность граждан и территорий ЕС. … EUGS обозначает пять приоритетов: 1) безопасность самого ЕС; 2) соседи ЕС и безопасность; 3) реакция на войны и кризисы; 4) стабильные региональные порядки по всему миру; и 5) эффективное мировое правление. ... Во-первых, основное внимание уделяется собственной безопасности Европы (чего было гораздо меньше в ESS) и соседствующим странам: мы принимаем на себя ответственность прежде всего в Европе и окружающих регионах и одновременно стремимся к целевому сотрудничеству в других районах мира».

На кон поставлено доверие к этим общим усилиям внутренней безопасности, предпринимаемым гражданами и правительствами государств-членов ЕС. Необходимо всеобъемлющее исследование для разработки политической концепции относительно внутренней территориальной военной безопасности и оборонной системы ЕС, которую бы воплотили в жизнь страны ЕС с целью укрепления Единой политики в области безопасности и обороны (CSDP) и Внутренней стратегии безопасности Европейского союза. Эти меры помогли бы создать общеевропейскую действенную «зону равной безопасности» для граждан ЕС как чрезвычайно важный вклад и гарантию безопасной и мирной Европы.

ВНУТРЕННИЕ СИСТЕМЫ ОБОРОНЫ ЕС

В 2014 г. на своем заседании, посвященном вопросам юстиции и внутренних дел, Совет ЕС указал на ряд предполагаемых основных угроз внутренней безопасности: тяжкие преступления и организованная преступность, нелегальная иммиграция, торговля людьми, контрабанда наркотиков, организованная преступность, коррупция, киберпреступления и последующие проблемы безопасности, незаконная торговля оружием, терроризм в любых его формах (особое внимание уделяется иностранным боевикам), радикализация, приводящая к насильственному экстремизму, кризисные ситуации, стихийные бедствия и техногенные катастрофы.

В этот список угроз внутренней безопасности Европы следует включить риски, связанные с ядерной инфраструктурой, водными ресурсами, драматическими последствиями и серьезным сопутствующим ущербом нападений террористов и повстанцев и гибридными угрозами.

Действия повстанцев могут быть особенно разрушительными, потому что силам безопасности придется иметь дело с людьми, которые сражаются так, как будто они на войне, и их количество и огневая мощь могут быть сравнимы с теми, которые имеются у сил безопасности, или даже превосходить их. И, наконец, «гибридная угроза» может превратиться в угрозу самому существованию государства, и с ней надо будет справляться скоординированными национальными оборонными усилиями с участием всех слоев общества.

Возникающие угрозы могут помешать работе, заблокировать или даже уничтожить сложную инфраструктуру, что осложнит ежедневную жизнь европейских граждан гораздо сильнее, чем это можно просчитать в вероятных сценариях. Короче говоря, следует признать, что может иметь место самый худший сценарий.

Даже оптимистический подход должен быть реалистичным и включать прагматичные и эффективные меры внутренней безопасности в качестве ответа на ряд угроз среднего и высокого уровня благополучию и безопасности граждан ЕС. Самое главное и неотъемлемое обязательство ЕС и его членов состоит в принятии действенных и специфических, ориентированных на будущее, подготовительных мер в сфере внутренней безопасности, включая размещение сил правопорядка для противостояния неожиданным угрозам,

как указано в «Выводах Совета Европейского союза» за декабрь 2014 г.

Чтобы противостоять угрозам на внутренней территории ЕС, особенно, когда угрозы значительны и по объему, и по времени действия, гражданским организациям, таким как полиция, жандармерия, пожарная служба, Красный Крест и гуманитарные организации, потребуется существенная помощь и поддержка со стороны организованных и хорошо структурированных сил военного резерва. Подразделения военных и гражданских сил безопасности государства быстро могут почувствовать свою малочисленность и перенапряжение ресурсов, выступая против активизировавшейся террористической, повстанческой или гибридной угрозы.

Необходима гибкая и эластичная структура сил, позволяющая быстро увеличивать или сокращать количество личного состава в зависимости от уровня угрозы. Эти силы должны быть эффективными и недорогими. Эти стратегические резервные силы для внутритерриториальных заданий (исключительно для оборонительных целей) должны иметь такую же структуру, как и хорошо подготовленные подразделения резервистов, и обеспечивать необходимое количество солдат территориальных войск.

Помимо знания военного дела, эти резервисты могут предоставить свои профессиональные гражданские навыки и знание территории. ЕС мог бы оказать полезную и незатратную помощь в создании и поддержании эффективной территориальной оборонительной организации.

Эти стратегические резервные силы, как чрезвычайно важная часть всеобъемлющей CSDP и Внутренней стратегии безопасности, могут носить название «Территориальная гвардия ЕС», «Подразделения территориальной обороны» или «Национальная гвардия ЕС». Это будут военные силы, организованные на национальном и местном уровне, перед которыми будет поставлена задача обеспечивать безопасность территории и защиту от крупных угроз государству.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ

Очень важно, чтобы формирование таких внутренних военных территориальных подразделений/национальной гвардии основывалось на решении и его реализации всеми странами-членами ЕС при руководящей роли ЕС, которая обеспечит иерархический подход, политическое участие на высоком уровне и базовую координацию действий. Эти силы должны соответствовать CSDP и Стратегии внутренней безопасности и не должны преследовать различные индивидуальные национальные цели.

«Общие угрозы, общие ответы на них?» является важным вопросом, на который указала Европейская комиссия 15 июня 2015 г. в документе «В защиту Европы». Комиссия продолжает: «Имея насильственные конфликты у порога ЕС, все более частые случаи гибридной войны в Европе, кибертерроризм, т.н. «иностранных боевиков» и размытую границу между внутренними и внешними угрозами, европейский ландшафт безопасности становится все более трудным для навигации».

Без надежной внутренней безопасности, координированной ЕС, и военно-гражданской оборонной концепции ЕС его члены не смогут дать необходимый всеобъемлющий и эффективный «единый ответ».

СИСТЕМА «НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ» ЕС

Ответом ЕС на военные аспекты вопросов внешней безопасности являются обсуждения, исследования, единое формулирование и доработка скоординированных оборонных систем национальных вооруженных сил. Эта координация может привести к дальнейшей интеграции в сфере обороны, в результате чего, в конечном итоге, будет создана армия ЕС. Такое пожелание выразил Президент Европейской Комиссии Жан-Клод Юнкер во время пресс-конференции в марте 2015 г.

Оборонные концепции ЕС в основном сосредоточены на подготовительных действиях и размещении войск для урегулирования внешнего кризиса и/или для установления контроля за внешними границами ЕС. Как следствие этого, необходимость создания внутренней территориальной безопасности и обороны была отложена в сторону, но не забыта.

После перехода от «Европейской политики безопасности и обороны» (ESDP) к CSDP в 1993 г., в исследованиях по вопросам обороны и безопасности стал рассматриваться такой аспект, как создание внутренней территориальной пассивной обороны. Исследования указывали на то, что ответы на сценарии ассиметричной угрозы требуют скоординированной безопасности на территории ЕС, а также общественной поддержки и участия.

В 2001 г. Королевская военная академия Бельгии опубликовала исследование «Общественное мнение и европейская оборона». Это был обширный сравнительный опрос, проведенный в 15 странах ЕС. С согласия Европейской комиссии осенью 2000 г. вопросы на эту тему были включены в опросник «Евробарометр». Были также включены вопросы, освещающие мнение европейцев относительно роли армии. Как оказалось, ответы четко расставили приоритеты: «Защита страны/территории» оказался на первом месте с отметкой 94% опрошенных, далее следовал «Оказывать стране помощь в случае стихийного бедствия» с результатом 91% опрошенных.

В 2004 г. рабочая группа Института исследований безопасности Европейского Союза, возглавляемая Николе Гнесотто, опубликовала предложение относительно европейской обороны. В числе стратегических сценариев и соответствующих им возможностей и недостатков ЕС, рабочая группа также исследовала вопросы обороны внутренних территорий ЕС и предложила создать подобие национальной гвардии или территориальной армии ЕС.

В 2015 г. ЕС, столкнувшись с быстрым развитием опасных кризисов, которые размыли границы между

Австрийская милиция часто получает учебные задания по защите объектов инфраструктуры.

АВСТРИЙСКАЯ ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРМИЯ

военными и невоенными угрозами и внутренней и внешней безопасностью, захотел переформулировать и по-новому определить интересы, цели и возрастающие угрозы для ЕС.

Параллельно с основными политическими дискуссиями, исследованиями и планированием относительно внешней направленности европейских вооруженных сил, стал также появляться интерес и к внутренней, территориальной и абсолютно пассивной обороне. 21 января 2015 г. Европейский парламент принял решение одобрить ежегодный отчет Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности, в котором содержалось указание на эти изменения в политической ситуации и сфере безопасности.

В решении Европарламента также указывалось, что политика безопасности ЕС должна включать в себя защиту европейских ценностей и обеспечивать защиту политического и правового порядка в Европе, таким образом, восстанавливая и оберегая мир и стабильность. Более того, это решение отдает приоритет «вкладу ЕС в территориальную оборону своих государств-членов и безопасности своих граждан путем укрепления способности Союза защищать себя от стоящих перед ним угроз».

Пункт 18 решения Европарламента призывает страны-члены «увеличить расходы на территориальную оборону» и подчеркивает, что «все страны-члены должны иметь одинаковый уровень безопасности». В пункте 21 высказано мнение, «что внутреннюю безопасность становится все труднее отделить от внешней».

Специальный опрос Европейской комиссии «Евробарометр» за 2015 г. задавал вопросы об угрозах безопасности и о том, какие органы должны играть роль в обеспечении внутренней/национальной безопасности. Наибольшее количество голосов получили правоохранительная система и армия.

ДИСКУССИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

По-видимому, всеобъемлющий подход к CSDP вместе со Стратегией внутренней безопасности должен включать в себя адекватное внимание к аспектам внутренней/территориальной обороны в дополнение к основной доктрине европейской внешней военной обороны.

Презентация новой Глобальной стратегии ЕС Совету Европы 28 июня 2016 г., сделанная Верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности Федерикой Могерини, была воспринята положительно. AFP/GETTY IMAGES

Основываясь на различных усилиях в области гражданской обороны, таких как создание Европейских сил гражданской обороны (для внешнего, но, возможно, и для внутреннего применения) в дополнение к гражданским инструментам, таким, как полиция, может быть создана координируемая ЕС национальная гвардия в качестве стратегического резерва во всех странах ЕС. Следует отметить, что такие подразделения, состоящие из резервистов, «солдат территориальной обороны», обеспечивают необходимые военно-гражданские возможности и тесное военно-гражданское сотрудничество.

В широко опубликованном обращении к двум палатам французского парламента, сделанном в ноябре 2015 г., Президент Франсуа Олланд упомянул террористические нападения и угрозы в Европе и говорил о внешней, за пределами региона, роли вооруженных сил, а также о необходимости создать национальную гвардию, укомплектованную резервистами, в дополнение к существующим вооруженным силам. Он также подчеркнул, что «резервисты представляют собой прочную связь между народом и военными… Национальную гвардию, обученную и готовую к действиям в случае необходимости».

Концепция стратегического резерва даст ЕС возможность создать эффективную внутреннюю зону равной безопасности на всей территории ЕС, которая будет руководствоваться общими руководящими принципами ЕС, включающими партнерство и солидарность. Это укрепит структурное сотрудничество, как об этом говорится в заявлениях ЕС относительно безопасности и обороны. Национальное участие в создании такой зоны также важно для стран, которые уже вошли в НАТО. Можно указать на огромное количество возможных угроз внутренней безопасности. Для того, чтобы противостоять всем этим угрозам на территории ЕС, мы должны иметь готовые, организованные силы военного резерва.

Силы территориального резерва ЕС, укомплектованные солдатами национальной гвардии, должны применяться только в случае необходимости, и их деятельность не будет вступать в противоречие с деятельностью скоординированных, интегрированных сил ЕС, которые применяются в основном для урегулирования конфликтов за пределами региона и для операций по поддержанию мира под командованием ЕС или НАТО. Наоборот, эти силы внутреннего/территориального резерва будут помогать членам ЕС справляться с угрозами и кризисными ситуациями.

Набор и обучение должны быть либо добровольными, либо на основе обязательного короткого, но интенсивного обучения с обязательным прохождением периодической переподготовки. Эти занятые по совместительству солдаты национальной гвардии ЕС, поддерживающие внутреннюю безопасность за сравнительно низкую цену, обеспечивают дополнительную гражданскую и военную всестороннюю поддержку обороне ЕС.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Создание территориальных сил обороны во всех странах ЕС потребует проведения дальнейших исследований. В дополнение к уже проводимым и/или планируемым исследованиям в ЕС по «основной/внешней» тематике военных вопросов CSDP необходимо начать проект углубленного исследования для разработки всеобъемлющей политической концепции относительно внутренней системы обороны ЕС.

Разработка всеобъемлющей политической концепции потребует профессиональных знаний в области военно-политических вопросов обороны, покрывающих широкий спектр общественных наук (включая политологию, международные отношения, экономику и социальную психологию). В заключение предлагаем некоторые из предварительных тем, которые этот проект должен охватывать:

- Стремление к миру, военно-гражданские концепции безопасности и основные вооруженные конфликты в Европе с 1990 г.;
- Переход от ESDP к CSDP в 1993 г., а затем к EUGS в 2016 г.;
- Нынешние и будущие нужды военно-гражданской

территориальной обороны;
- Постоянные вопросы прав и обязанностей граждан в отношении территориальной безопасности и социологические, политические и идеологические последствия;
- Роль и ответственность политического руководства Европы в поисках политических вариантов новой стратегии европейской безопасности;
- Слияние внутренней и внешней безопасности и необходимость во всеобъемлющей и интегрированной оборонной доктрине;
- Связывание воедино характеристик внешней и внутренней безопасности (CSDP и Политики внутренней безопасности);
- Концепция «вооруженных сил по требованию» и будущая готовность;
- Статус нынешних операций национальной гвардии/территориального резерва/милиции/береговой обороны в Европе;
- Детальная модель политических дискуссий, принятия решений и правовых вопросов в отношении концепции национальной гвардии;
- Призыв и условия службы национальной гвардии - включая их социальный статус как «солдат по совместительству» - поддержка со стороны их гражданских работодателей, период службы, подготовка, оборудование, вооружение и оплата;
- Взаимодействие между регулярной армией, резервистами и внутренними территориальными силами, включая такие вопросы, как где солдаты национальной гвардии будут расквартированы и какие районы они будут охранять;
- Полное использование профессиональных гражданских знаний в дополнение к набору бывших профессиональных военных или простых резервистов;
- Общественное осознание проблемы, общественное участие и общественное мнение. □

Президент Франции Франсуа Олланд проверяет готовность резервистов французской жандармерии во время посещения Учебного центра Национальной жандармерии в г. Сан-Астьер в июле 2016 г., после серии террористических нападений, Олланд объявил, что на основе нынешних резервистов будет создана новая Национальная гвардия.
AFP/GETTY IMAGES

ПЕРЕСМАТРИВАЯ СВОИ ПОЗИЦИИ

ПОЧЕМУ РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НЕ ПРИНОСИТ РЕЗУЛЬТАТОВ В АФГАНИСТАНЕ

ФАРИД ОСМАНОВ
Стипендиат Chevening, Оксфордский университет,
Школа управления им. Блаватника

ФОТОГРАФИИ: АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС

Такие платформы сотрудничества, как Стамбульский процесс, Токийское рамочное соглашение о взаимной подотчетности и Международная контактная группа по Афганистану рассматривались международным сообществом как механизмы, которые дополняют структуры, относящиеся к обороне и безопасности, и внесут вклад в строительство стабильного и процветающего Афганистана, истерзанного десятилетиями военных действий.

И все же эти платформы так и не смогли принести ощутимого результата. «Большая игра», термин введенный Редьярдом Киплингом в XIX веке для обозначения борьбы крупных держав за установление своего контроля в Центральной Азии, сохраняет сегодня свое первоначальное значение и находит отображение в функционировании структур регионального сотрудничества. Со времен Киплинга международные структуры существенно модифицировались, ведущие державы пересмотрели свои позиции, а количество региональных «игроков», способных повлиять на развитие событий, увеличилось, расшатывая региональные альянсы и ситуацию в регионе в целом. И хотя общая основа для сотрудничества отдельных держав существует, все равно преобладают глубокие расхождения в индивидуальных интересах основных крупных «игроков».

Соединенные Штаты

Участие США в событиях в Афганистане, начавшееся в 2001 г., оказалось дорогостоящим и изматывающим. Администрация Обамы сделала вывод войск из Ирака и Афганистана одним из приоритетов своей внешней политики. В США, однако, ожидали увидеть результаты 15-летних щедрых финансовых затрат. Афганистан чрезвычайно важен для обеспечения американских интересов в Евразии, но в США больше не хотят выбрасывать огромные суммы на ветер. И поэтому механизмы регионального сотрудничества являются для США отличным инструментом отстаивания своих интересов косвенным путем и с гораздо меньшими затратами.

Согласно онлайновому журналу «Дипломат», Хиллари Клинтон, бывшая в то время госсекретарем, выступила в 2011 г. с инициативой «Новый Шелковый путь». Суть этой инициативы состояла в соединении рынков Центральной и Южной Азии с Афганистаном, что дало бы толчок в развитии региональной экономики. В 2013 г. президент Китая Си Цзиньпин предложил проект «Экономической пояс Шёлкового пути»,

Американские военнослужащие заняли позицию для стрельбы во время совместного патрулирования с афганскими военными в провинции Кандагар в 2010 г. США начали вывод своих войск в 2011 г.

который должен был связать Азию и Европу сетью многомодальных коридоров. В этом проекте сразу же увидели конкурента проекту «Новый Шелковый путь». Несмотря на то, что китайская инициатива в основном расценивалась как вызов американским интересам в регионе, в марте 2015 г. заместитель госсекретаря США о проекте «Экономической пояс Шёлкового пути» сказал следующее: «Мы не рассматриваем участие Китая в экономическом развитии Центральной Азии с позиции «если им хорошо, то нам автоматически плохо». Развитие Китаем инфраструктуры в Центральной Азии может только дополнять наши собственные усилия». Это является свидетельством того, что США, проведя в регионе много лет, поняли, что односторонние действия без уступок другим заинтересованным сторонам требуют огромных ресурсов и приносят мало результатов.

То, что США не рассматривают китайскую инициативу «Экономической пояс Шёлкового пути» в качестве конкурирующего проекта отражает их нынешнее видение региона – создание трансрегиональных транспортных коридоров для стимулирования торговли и расширения экономических возможностей. Поскольку базовые установки этих двух проектов соответствуют такому видению регионального развития, США могут поддержать инициативу Китая. Такая гибкость также демонстрирует готовность США делить с другими

Руководитель Афганистана Абдулла Абдулла идет вместе с китайским премьером Ли Кекьянгом во время приветственной церемонии возле Дома народных собраний в Пекине, Китай, 2016 г.

ответственность за Афганистан, особенно, когда важные стратегические цели совпадают. Китайское партнерство не представляет существенной угрозы американским интересам и должно служить достижению долгосрочных стратегических целей.

Китай

Сотрудничество позволяет Китайской Народной Республике защищать свои интересы в регионе. Интерес Китая к Афганистану в основном обусловлен необходимостью защитить свои западные границы и не допустить превращения провинции Синдзянь в прибежище для исламских экстремистов. Пекин заинтересован в искоренении связанного с Талибаном Исламского движения Восточного Туркестана. Стабильность в провинции Синдзянь важна Пекину с точки зрения экономической структуры и развития. По мере того, как рынки в традиционно более развитых прибрежных районах Китая становятся более насыщенными, и стоимость рабочей силы возрастает, большее значение придается внутренним и западным регионам страны. Движение производителей вглубь страны, где есть избыток дешевой рабочей силы, неизбежен, если в Китае будет продолжаться быстрый экономический рост. Это также помогает решить проблему внутренней миграции. Кроме того, нефтепровод Китай-Казахстан и газопровод Китай-Туркменистан проходят через провинцию Синдзянь, что придает этому региону еще большую стратегическую важность и делает обеспечение его безопасности первостепенной задачей. Таким образом, стабильный и безопасный Афганистан важен для безопасности самого Китая и создания благоприятных условий для расширения его экономической географии.

Китай проявляет явную активность в делах региона посредством возрастающего участия в региональных механизмах сотрудничества, таких как Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и Стамбульский процесс. В мае 2014 г. Китай в Шанхае принимал саммит СВМДА и председательствовал в этой организации. В октябре 2014 г. Пекин также принимал встречу на министерском уровне в рамках Стамбульского процесса. Кроме того, вместе с Россией Китай возглавляет Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Недавно Китай начал продвигать новую концепцию международной безопасности в Азии, которая базируется на принципах общей, всеобъемлющей, совместной и прочной безопасности. Эта концепция отражает видение Китаем механизма международной безопасности в регионе и подчеркивает его готовность и возможности играть роль лидера в разработке инфраструктуры регионального сотрудничества по вопросам международной безопасности.

Китай также заметно расширил двусторонние связи и укрепил сотрудничество с Пакистаном, страны чрезвычайно важной для решения вопросов в Афганистане. Самое крупное их совместное предприятие – это мегапроект создания экономического коридора Китай-Пакистан общей стоимостью, по сообщениям издания «Аль Джазира», 46 млрд. долл. США. Этот проект соединит порт Гвадар на юго-западе Пакистана с китайской провинцией Синдзянь через сеть железных дорог, автомагистралей и трубопроводов, давая Китаю доступ к Индийскому океану и еще больше расширяя его экономическое влияние.

Россия

Цели России в Афганистане и в структуре регионального сотрудничества многогранны и иногда противоречивы. Во-первых, учитывая ее нынешнее внимание к Сирии и внутренние экономические проблемы, Москва

не может позволить вкладывать значительные ресурсы в Афганистан. После развала Советского Союза Россия больше не имеет общей границы с Афганистаном, но стремится сохранить свое историческое стратегическое положение в регионе и оказывать влияние через бывшие советские республики Средней Азии. Однако, не все они являются послушными союзниками России. Требуется достаточный уровень мастерства, чтобы иметь дело с такими странами, как Узбекистан и Туркменистан, первая из которых проявляет все большую неуступчивость по отношению к России, а вторая придерживается нейтралитета в качестве официального курса своей внешней политики.

Россия стремится укрепить позиции институтов региональной безопасности, членом которых является, таких, как Организация договора о коллективной безопасности и ШОС, и таким образом иметь большее влияние в региональных вопросах. Ее цель заключается в укреплении влияния этих институтов на структуру евроазиатской региональной безопасности. Россия также планирует расширить географию Таможенного Союза и принимать более широкое участие в экономических вопросах региона. Этот аспект имеет для России особое значение в свете напряженных отношений с Западом и ее поворота в сторону Евразии. Россия с подозрением относится к успехам региональных инициатив, где у других «игроков» имеются преимущества при отстаивании собственных интересов. Реализация таких проектов, как «Новый Шелковый путь» и «Экономической пояс Шёлкового пути» не в её интересах, поскольку они создают альтернативные инфраструктуры и способствуют поставкам грузов по маршрутам в обход России. Успешная реализация этих инициатив даст центральноазиатским странам влияние вдоль новых транспортных маршрутов, превратив их в транзитные страны, что ослабит контроль Москвы над этими республиками.

В то же время есть свидетельства того, что Россия открыто поддерживает некоторые проекты, инициированные другими заинтересованными сторонами и не относящиеся к ее стратегическим целям в регионе. Например, как сообщает издание Eco-Business.com, в 2011 г. президент Владимир Путин, бывший в то время премьер-министром России, пообещал внести 500 млн. долл. США в проект CASA-1000, предусматривающий создание электросети в Кыргызской Республике, Таджикистане и Пакистане через Афганистан. Простая логика подсказывает, что успешная реализация этой инициативы не в интересах России, поскольку она уменьшит энергетическую зависимость этих бывших советских республик от России. Таким образом, желание оказать финансовую помощь такого рода проектам может объясняться доминирующей заинтересованностью в том, чтобы региональные проекты чрезвычайной важности не осуществлялись без участия России, а также желанием оказывать более сильное влияние на их реализацию.

Стремление Москвы расширить российско-китайское сотрудничество следует рассматривать через призму ее напряженных отношений с Западом и необходимостью играть определенную роль в региональных проектах, возглавляемых Китаем. России необходимо снизить влияние Китая в Центральной Азии, чтобы сохранить свое историческое место в регионе, однако, у нее не хватает экономических рычагов, чтобы достичь этой цели. У Китая есть что предложить и он очень быстро расширяет сотрудничество со странами Центральной Азии через целый ряд экономических проектов, тем самым

Родственники несут гроб мужчины, убитого во время взрывов двух бомб в январе 2017 г. в Кабуле, Афганистан. Возродившийся Талибан, который взял на себя ответственность за взрывы, представляет основную угрозу безопасности Афганистана.

наращивая свое влияние в странах региона и снижая влияние Москвы. 8 мая 2015 г. было подписано совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики «О сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шёлкового пути» с целью объединить эти два проекта. Это свидетельствует о том, что у России не было другого выбора, кроме как уступить влиянию Китая в регионе и попытаться участвовать в инициативах, возглавляемых Китаем.

С другой стороны, России необходимо противостоять контрабанде наркотиков и, прежде всего, угрозе распространения терроризма и экстремизма, исходящей из Афганистана и Центральной Азии, которая преодолевает границы и создает серьезную головную боль для России на ее собственной территории. Дилемма России состоит в том, что необходимо иметь стабильный и безопасный Афганистан для того, чтобы избежать распространения этих угроз, но при этом она не желает тратить средства на поддержание этой безопасности. Таким образом, парадокс состоит в том, что России необходимо более активное участие других стран, способных сохранить мир и стабильность в регионе с тем, чтобы она могла преследовать свои интересы в безопасной среде, стремясь при этом снизить региональное влияние этих же стран.

Пакистан и Индия

Политика Пакистана и Индии по отношению к Афганистану определяется самой природой их отношений. Стратегические интересы Пакистана имеют огромное значение в определении судьбы Афганистана. Здравый смысл подсказывает, что ключ к стабильности в Афганистане может быть где угодно, но только не в Исламабаде. «Дырявая» граница, в большинстве случаев неконтролируемая, создает благоприятные условия для просачивания и перегруппировки боевиков экстремистских организаций с обеих сторон. Пакистан хочет сохранить свое чрезмерное влияние на Афганистан и заполнить вакуум безопасности после вывода войск НАТО, так же как было после ухода советских войск из региона более двух десятилетий назад, и последующего сокращения американского участия в делах страны.

Еще одно распространенное мнение – часто озвучиваемое даже на официальном уровне – о том, что Пакистан поддерживает боевиков движения Талибан и способствует разделению афганского общества по этническому признаку. Как сообщило издание «Al Jazeera», начиная с 2015 г. руководство Афганистана неоднократно обвиняло Пакистан в поддержке движения Талибан. Следует принимать во внимание разногласия во властных структурах Пакистана, когда взгляды и официальная риторика гражданских руководителей не совпадает с действиями военного руководства страны. Важность Пакистана в делах Афганистана обусловлена еще и тем, что только Пакистан, да еще Саудовская Аравия оказались способными стать посредниками во время переговоров лидеров Талибана с афганским правительством.

Пакистан стремится поддерживать свою способность в одностороннем порядке влиять на ход событий в Афганистане, и улучшение индийско-афганских отношений не играют ему на руку. Пакистан категорически против того, чтобы в Афганистане воспринимали Индию как дружественную страну и с ужасом представляет себе улучшение отношений между этими двумя странами. Пакистан опасается растущего экономического влияния

Афганские школьницы идут к палаткам, в которых размещаются классные комнаты, на окраине г. Джелалабад в Афганистане. Эти школьницы были беженками в Пакистане до того, как вернулись домой, где у них нет уверенности в будущем.

Индии в Афганистане и стремится к тому, чтобы этого не произошло. Например, Пакистан отказывает Индии в праве транзита при перевозке ее товаров на афганские рынки.

Стабильный и процветающий Афганистан в интересах Индии. Главная задача Индии состоит в снижении угрозы терроризма и экстремизма, исходящей из Афганистана и Пакистана. Индия продолжает инвестировать в Афганистан, несмотря на высокие риски в сфере безопасности. Индия принимает активное участие в экономических и торговых инициативах в формате регионального сотрудничества. Между Индией и Афганистаном также подписано соглашение о режиме торговых преференций, которое позволило, в частности, снизить пошлины на ряд товаров, импортируемых из Афганистана.

Стратегические подходы Индии и Пакистана по отношению к Афганистану группируют Индию с Ираном, а Пакистан с Китаем с одной стороны, и с Саудовской Аравией с другой. Сотрудничество между Ираном и Индией стало особенно достойным внимания из-за повышенного интереса Индии к проекту в иранском порту Чабахар, который ускорит поставки товаров из Индии в Иран в обход Пакистана. Индия принимает финансовое участие в этом проекте. Этот проект чрезвычайно важен для Индии, учитывая, что Пакистан не позволяет Индии использовать свою территорию в экономических целях, предотвращая, таким образом, экономическое продвижение Индии в регионе. Многие также считают, что этот проект сбалансирует пакистано-китайский проект экономического коридора. Группировки Иран-Индия, Китай-Пакистан и Саудовская Аравия-Пакистан и их сотрудничество в крупномасштабных проектах свидетельствуют о том, что глубокие расхождения в интересах Пакистана и Индии заставляют обе страны искать благоприятных партнеров и участвовать в определенных проектах для достижения своих целей.

Иран

Иран является важным «игроком» в регионе и может оказывать влияние на Афганистан, особенно в западной провинции Герат. Лингвистическая общность, тот факт, что 20% населения Афганистана относятся к шиитской ветви ислама и 3 млн. афганских беженцев, проживают в Иране, являются важными факторами, которые может использовать Иран. Недавняя ядерная сделка Ирана с международным сообществом, в результате которой были сняты санкции, еще больше добавляет Ирану уверенности в его отношениях с Афганистаном и другими странами региона.

Согласно статье в журнале «Foreign Affairs» в июне 2015 г., все возрастающее число источников утверждает, что Иран оказывает материальную и вооруженную поддержку движению Талибан, своему непримиримому врагу, для того, чтобы сдержать распространение ИГИЛ. Тегеран решительно отвергает эти утверждения. Такие возможности должны рассматриваться в контексте более широкой вражды между Ираном и Саудовской Аравией. Это может еще больше накалить ситуацию и превратить Афганистан в еще одну зону насильственного противостояния шиитов и суннитов, похожего на то, что мы наблюдаем на Ближнем Востоке.

Афганистан столкнулся с серьезной дилеммой по мере того, как он стремится расширить сотрудничество с Ираном, особенно по экономическим причинам, одновременно сохраняя близкие отношения с саудовцами, которые имеют значительное влияние на Талибан. В ответ Саудовская Аравия ожидает, что Афганистан присоединится к широкой коалиции суннитов, что, несомненно, вызовет негативную реакцию у Ирана. Таким образом, правительство Афганистана вынуждено проявлять осторожность и сбалансированность в отношениях с обеими странами, поскольку резкий крен в сторону одной из них может привести к внешней поддержке сектарианских настроений и разрушить и без того хрупкое равновесие безопасности в стране.

Вывод

Путаница с несовпадающими интересами и стратегическими целями мировых и региональных держав и их объединения в группировки с заинтересованными сторонами приводит к снижению уровня безопасности в Афганистане и ослабляет перспективы стабильности и процветания. Это также делает платформы регионального сотрудничества, созданные для возрождения Афганистана, ненужными и неэффективными. Возрастающее внимание мирового сообщества к Ближнему Востоку и исходящим оттуда проблемам отвлекает внимание от Афганистана. Ситуация еще больше усугубляется сохраняющейся враждебностью между Ираном и Саудовской Аравией, возрождением движения Талибан, появлением ИГИЛ и потенциальной внешней поддержкой этих радикальных группировок.

Вероятность того, что эти военные группировки заполнят освободившееся пространство в сфере безопасности и бросят вызов легитимности центральному правительству, чрезвычайно высока. Сокращение контингента НАТО уже привело к образованию вакуума в безопасности и подвергает институты безопасности страны серьезному испытанию. Полный вывод сил коалиции только усугубит ситуацию, создавая благоприятную основу для более широкого возрождения радикализма и воинственности, снижая позитивные результаты, достигнутые за прошедшее десятилетие. Таким образом, более пристальное внимание мировой общественности и, прежде всего, лучшая координация проектов и выработка глобальными и региональными державами единого подхода к Афганистану являются чрезвычайно необходимыми для того, чтобы страна не скатилась на путь насилия и нестабильности. □

НАТО на Западных Балканах

Пришло время для нового подхода?

Генерал-лейтенант Уолтер Т. Лорд, Национальная гвардия сухопутных войск США

С 1995 г. НАТО, Европейский Союз и другие международные партнеры были вовлечены в события на Балканах – политические, дипломатические, экономические и военные – различной степени интенсивности. Международное сообщество инициировало вмешательство с целью положить конец разрушительному конфликту, который ускорил распад бывшей Югославии. Конфликт, продолжавшийся с середины 1992 г. до конца 1995 г., был последней главой в долгой истории конфликтов, терзавших Балканы, которые явились результатом длительного восприятия этого региона в качестве экономического, религиозного и культурного перекрестка.

К концу XV-го столетия оттоманская Турция добилась контроля над значительной частью балканского региона. С тех самых пор карта Балкан спорадически перекраивалась по мере того, как одна восходящая держава сменялась другой, обретая контроль над территорией и ресурсами. Основные силы, такие как Оттоманская, Габсбургская и Австро-Венгерская империи, а также и региональные участники в течение последующих 500 лет постоянно пытались перекроить границы Балкан. По окончании Второй мировой войны маршал Иосиф Броз Тито, у которого отец был хорватом, а мать славянкой, объединил большую часть Западных Балкан в составе Социалистической Федеративной Республики Югославия.

Завоевав у многих репутацию «милосердного диктатора», Тито был популярной фигурой у себя в стране и за рубежом благодаря своей взвешенной экономической и дипломатической политике. Он пропагандировал программу братства и единства и подавлял националистические настроения среди шести югославских «народностей». Такая политика и инициативы заглушили националистическую риторику и привели к четырем десятилетиям мирного сосуществования на Балканском полуострове. Тито умер в 1980 г., и братство и единство, которое он созидал – или насаждал, как сказали бы люди с иной точкой зрения – начали практически немедленно разрушаться. Его смерть образовала вакуум власти, приведя в движение цепь событий, которые разрушили югославское государство и привели к политическому и дипломатическому тупику, жестокому вооруженному конфликту и ужасающим межэтническим зверствам. В ноябре и декабре 1995 г., после трех с половиной лет насилия, воюющие стороны и члены международного сообщества собрались вместе в американском городе Дейтон, штат Огайо, с целью выработать соглашение, которое бы положило конец открытой вражде. Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине, также известное как Дейтонское соглашение, требовало введения международного политического контроля и размещения крупного миротворческого контингента НАТО.

Сегодня, после 20 лет международного вмешательства на Балканах, независимые государства, которые когда-то входили в состав бывшей Югославии, находятся на различных ступенях успешного выполнения своей задачи евро-атлантической интеграции. Впечатляет то, что Хорватия и Словения стали членами НАТО и ЕС. Босния и Герцеговина (БиГ), Македония и Черногория завершили предварительный процесс присоединения к НАТО и получат полноправный статус членов альянса после того, как их членство будет ратифицировано

Бакир Изетбегович, в то время председатель Президентского совета Боснии и Герцеговины, слева, выступает на пресс-конференции в штаб-квартире НАТО в Брюсселе в ноябре 2016 г. Босния выражает желание вступить в НАТО. АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС

другими участниками. Сербия хочет присоединиться к ЕС, но не выражает желания, по крайней мере на данный момент, присоединиться к НАТО, хотя она участвует в натовских программах партнерства и углубляет свой политический диалог и сотрудничество с альянсом.

За последние 70 лет НАТО удалось внести значительный вклад в укрепление безопасности и стабильности своих членов, а, посредством расширения членства, также и в укрепление безопасности и стабильности по всей Европе. Государства Западных Балкан, стремящиеся к членству в НАТО и ЕС, четко заявляют, что они это делают, в основном, ради получения военной, политической и экономической безопасности, которую предоставляет евро-атлантическая интеграция. Эта интеграция, включая продвижение к полноценному членству в НАТО, не была последовательной из-за широкого ряда причин, начиная от повальной коррупции на правительственном уровне до различной степени общественной поддержки идеи вступления в НАТО и готовности ЕС и/или НАТО принять эти страны в качестве новых членов.

Большую часть двух последних десятилетий блок НАТО с переменным успехом интегрировал в свои структуры претендентов с Западных Балкан. Однако, учитывая нынешнюю динамику безопасности в Европе, НАТО больше не может себе этого позволить. Приостановившаяся евро-атлантическая интеграция на Балканах открывает двери для огромного количества угроз, которые в очередной раз могут разрушить относительную стабильность последних двух десятилетий. Например, распространение исламского экстремизма, российского авантюризма, возобновление этнических конфликтов, продолжающееся распространение ОМУ, принявшая огромные масштабы бедность и рост транснациональной организованной преступности представляют собой угрозы, которые могут стать реальностью, если альянс перестанет вкладывать свои усилия в регион и не повысит результативность этих усилий. Отдельные компоненты описанных выше сценариев, включая вызывающий беспокойство подъем националистической риторики, существуют на Западных Балканах уже сейчас.

Принимая во внимание историческое значение и стратегическое положение Балканского полуострова, ни НАТО, ни ЕС не могут позволить возникновения там очередного очага конфликтов. Поэтому вместо того, чтобы отвернуться от этого региона, НАТО нужно реорганизовать и перенацелить свои программы сотрудничества на Западных Балканах – особенно в БиГ, Македонии, Черногории и Сербии – для того, чтобы, во-первых, выработать стандартизированный подход к региону и, во-вторых, разработать индивидуальные планы работы с каждой из стран. Альянс должен синхронизировать программы и обеспечить последовательный и эффективный курс, ведущий к вступлению в НАТО или к укреплению партнерства с альянсом.

Краткая история

На 20 декабря 1995 г. в БиГ было размещено 60 тыс. военнослужащих миротворческих сил НАТО (IFOR), перед которыми была поставлена задача реализации военных аспектов Дейтонского соглашения. После одного года пребывания в стране IFOR были преобразованы в стабилизационные силы НАТО (SFOR). За последующие восемь лет альянс создаст штабные подразделения или разместит воинские контингенты различной численности и с различными заданиями в нескольких республиках бывшей Югославии. Большинство из этих подразделений было создано для того, чтобы усилить военный аспект Дейтонского соглашения в БиГ или для выполнения Резолюции 1244 Совета Безопасности ООН по Косово, или для оказания поддержки IFOR/SFOR и силам НАТО в Косово (KFOR). Со временем, за исключением KFOR, все они модифицируют свои задания для того, чтобы выполнять функции исключительно советников НАТО и офицеров по связи совместно с принимающими странами, которые к тому времени уже стали независимыми. Хотя полный переход от первоначальной миротворческой миссии так и не произошел, KFOR в настоящее время также оказывает консультативную помощь и поддержку Силам безопасности Косово (KSF) – первоначально через отдел военно-гражданской помощи, который влился в группу НАТО, оказывающую консультативную помощь Министерству обороны, и подчиненную непосредственно штабу НАТО.

Военнослужащий сил НАТО в Косово участвует в учениях в лагере Врелло в Косово. Готовность войск имеет ключевое значение для защиты Западных Балкан. РЕЙТЕР

В то время как блок НАТО впервые за всю свою историю в ответ на такую кризисную ситуацию разместил воинский контингент в бывшей Югославии, программа альянса «Партнерство ради мира» (ПРМ) начала внедряться в бывших республиках Советского Союза

и Югославии. В соответствии с определением НАТО, «ПРМ – это программа практического двустороннего сотрудничества между отдельными странами-партнерами и НАТО. Она позволяет партнерам строить индивидуальные отношения с НАТО, выбирая свои собственные приоритеты для сотрудничества. Основываясь на приверженности демократическим принципам, которые лежат в основе самого альянса, целью ПРМ является укрепление стабильности, снижение угроз миру и построение прочных отношений в сфере безопасности между отдельными партнерами и НАТО, а также между самими странами-партнерами». Некоторые страны, участвующие в ПРМ, направили на Балканы своих миротворцев вместе с контингентами стран НАТО, в то время как несколько новых независимых стран на Западных Балканах начали процесс присоединения к ПРМ. В конечном счете, 31 государство, включая те, которые традиционно поддерживали нейтральный статус, участвовали в этой программе, причем 12 из этих государств перешли из категории партнера в категорию полноправного члена альянса.

В то время как НАТО сотрудничала со своими партнерами в рамках двусторонней программы, целый ряд членов альянса начали программы военного сотрудничества более высокого уровня с отдельными странами. Наиболее крупной из этих программ была Программа совместной контактной группы (JCTP) европейского командования США (EUCOM), которая считалась ведущей программой сотрудничества в мирное время. На пике своей активности программа имела группы связи в 17 странах-партнерах для координации деятельности в соответствии с рабочим планом, разработанным совместно американской группой связи и руководством принимающей страны. Одиннадцать из этих 17 стран JCTP в конечном итоге стали членами альянса и выразили благодарность JCTP за помощь в проведении военной реформы, достижении военного профессионализма и целей взаимодействия НАТО.

После успешного выполнения этих многосторонних и двусторонних программ и достижения с их помощью стабильности и безопасности, особенно в бывшей Югославии, необходимость в силах НАТО для обеспечения мира значительно снизилась. К декабрю 2004 г. в НАТО было решено, что в реализации военных аспектов Дейтонского соглашения был достигнут существенный прогресс и что выполнение оставшихся задач может быть возложено на Силы Европейского Союза (CEC). К этому моменту SFOR были постепенно сокращены с первоначальных 60 тыс. военнослужащих IFOR до 7 тыс. вследствие того, что с их помощью были установлены и уже начали работать механизмы стабильности и безопасности, а также из-за необходимости размещения воск НАТО в Афганистане и Ираке. Миссия SFOR прекратила свою работу, и задачи дальнейших стабилизирующих усилий по выполнению Дейтонского соглашения в БиГ были переложены с НАТО на CEC. Эта тактическая роль отличается от стратегической роли оказания консультативной помощи, которую НАТО сейчас играет.

Советники и офицеры связи

После сокращения контингента и изменения задачи был создан штаб НАТО в Сараево (NHQSa) для оказания консультативной помощи БиГ в вопросах реформы секторов обороны и безопасности и участия в программе ПРМ. Имея такой же легальный мандат, как и EUFOR в качестве последователя IFOR и SFOR, NHQSa оказывает поддержку CEC в выполнении всех оставшихся военных задач. Помимо традиционных задач стабилизации, CEC также сыграли ведущую роль в создании потенциала и обучения Вооруженных Сил Боснии и Герцеговины. Кроме того, элементы НАТО на рутинной основе работают в двух других странах бывшей Югославии. Помимо NHQSa альянс располагает отделом связи НАТО (NLO) в Скопье, Македония, и отделом военной связи (MLO) в Белграде, Сербия. До присоединения Албании к НАТО в 2009 г. у НАТО также был штаб в Тиране. Этот штаб прекратил работу в июне 2010 г. И, наконец, группа советников и офицеров связи НАТО оказывает поддержку KSF и соответствующему министерству; эта группа выведена за пределы обычной командной цепочки и подчиняется напрямую штабу НАТО в Косово.

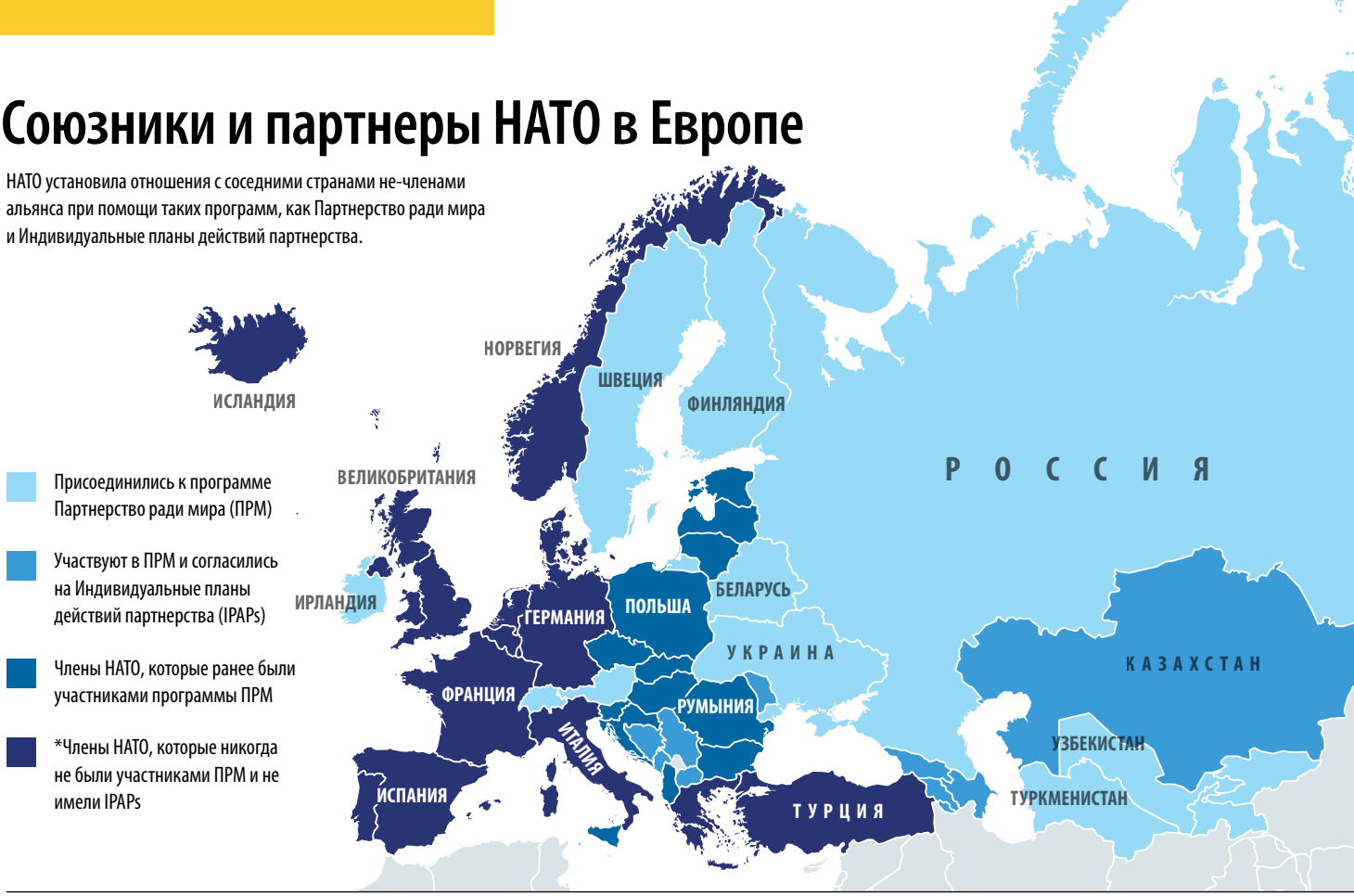
CEC взяла на себя ведущую роль в выполнении оперативных и тактических задач по стабилизации, создании военного потенциала и подготовки военнослужащих, создание NHQSa означало смещение внимания НАТО на стратегическую задачу реформы сектора обороны и безопасности с одновременным оказанием помощи Министерству обороны страны и ее вооруженным силам в участии в программе ПРМ. Готовясь к прекращению миссии SFOR, численность контингента НАТО в БиГ постепенно сокращалась. В настоящее время персонал NHQSa насчитывает 65 военных и гражданских служащих, что достаточно для достижения целей стратегического уровня и выполнения требований по предоставлению штабу CEC поддержки в таких вопросах, как личный состав, финансы, набор по контракту и обеспечение связи.

MLO в Белграде, основанный в декабре 2006 г., имеет в штате 13 военных и гражданских сотрудников. Командование объединенными силами определяет его главную задачу следующим образом: «роль связующего звена с военными властями Сербии по практическим аспектам реализации Транзитного соглашения между НАТО и Сербией, подписанного в июле 2015 г. Цель этого Транзитного соглашения в том, чтобы усовершенствовать организацию потоков логистических грузов для операций НАТО на Западных Балканах и перевозку этих грузов между местами различных операций в этом регионе». Для данного анализа одинаково или даже более важно рассмотреть и дополнительные задачи, которые выполняет MLO в Белграде.

1. Способствует реализации программы НАТО ПРМ для Сербии и оказывает помощь в организации мероприятий публичной дипломатии НАТО в регионе.
2. Поддерживает Группу оборонной реформы, состоящую из представителей Сербии и НАТО, которая была создана для помощи сербским властям в

Союзники и партнеры НАТО в Европе

НАТО установила отношения с соседними странами не-членами альянса при помощи таких программ, как Партнерство ради мира и Индивидуальные планы действий партнерства.



*Члены НАТО, находящиеся за пределами Европы – США, Канада, Гренландия

Источник: НАТО/2016

реформировании и модернизации Вооруженных Сил Сербии и в создании современной, недорогой оборонной структуры в Сербии, которая бы находилась под гражданским контролем.

Таким образом, также, как и в случае замены IFOR/SFOR на NHQSa, элементы присутствия НАТО с первоначальными задачами на операционном уровне в настоящее время, в большой степени, функционируют на стратегическом уровне совместно с принимающей страной-партнером. NLO в Скопье (первоначальное название – штаб НАТО в Скопье) был создан в апреле 2002 г., когда НАТО объединила штаб KFOR (тыловой) со штабом операции НАТО «Янтарная лиса», целью которой было обеспечить защиту международных наблюдателей из ЕС и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. NLO в Скопье имеет в штате 14 военных и гражданских сотрудников. Основная задача NLO в Скопье, как она сформулирована Командованием объединенными силами, в том, чтобы «консультировать правительственные учреждения Принимающей Стороны по вопросам Реформы сектора безопасности и членства в НАТО с целью способствовать дальнейшей евро-атлантической интеграции страны и обеспечивать поддержку операциям НАТО в совместном районе операций на Балканах».

Как указано на веб-сайте NLO, «NLO в Скопье – это нетактическая миссия, состоящая из военных и гражданских служащих и расположенная в Министерстве обороны принимающей стороны. В целом, мы участвуем в процессах национальной трансформации на всех уровнях. Мы регулярно контактируем с представителями правительства и других ведомств (Министерствами обороны, внутренних дел, иностранных дел и т.д.), но в основном с учреждениями, занимающимися военными и оборонными вопросами. Мы проводим регулярные встречи с главами миссий ЕС, США и ОБСЕ». NLO Скопье представляет собой еще один элемент НАТО, который был создан для тактических/операционных целей, но который со временем прочно и бесспорно занял свое место на стратегической арене.

Командование и управление

NHQSa, MLO в Белграде и NLO в Скопье являются подчиненными элементами Командования объединенными силами НАТО в Неаполе (JFCNP). Это одно из двух действующих командований оперативными объединенными силами, которые являются частью Союзного командования операциями (ACO), одного из двух стратегических командований НАТО. Заявленная миссия JFCNP состоит в том, чтобы «готовить, планировать и проводить военные операции в целях сохранения мира, безопасности и территориальной целостности государств-членов альянса, а также для безопасности морских путей и экономического жизнеобеспечения в районе ответственности (AOR) Верховного командующего союзными войсками в Европе (SACEUR) и за его пределами».

Роль JFCNP в качестве штаба оперативного уровня не позволяет ему иметь необходимое количество служащих, знаний или фокусирования на поставленной задаче для

того, чтобы осуществлять эффективное управление подчиненными штабами и персоналом, проводящим реформу в военной сфере и осуществляющим мероприятия программы ПРМ на стратегическом уровне. Хотя все три элемента, рассмотренные здесь, уже функционируют целое десятилетние или даже больше, командование JFCNP только недавно выступило с инициативой сотрудничества и координации действий между ними. К заслугам JFCNP можно отнести создание рабочей группы связи на Балканах, которая объявила о том, что ее целью является обмен информацией и координация деятельности. К сожалению, после нескольких периодических однодневных встреч группа не смогла предоставить никаких конкретных результатов в том, что касается координации деятельности. Это замечание не должно расцениваться как критика в адрес персонала JFCNP и, скорее, должно служить индикатором несоответствия между поставленными задачами и сферой компетенции этих подразделений связи и их вышестоящих штабов.

Когда НАТО установило свое присутствие в Сараево, Белграде и Скопье в середине 90-х гг., каждое ведомство выполняло задания и задачи, большинство из которых носили оперативный и/или тактический характер. Они были подчинены оперативному штабу, поскольку в то время это имело смысл. Это было также удобно, поскольку оперативная структура НАТО уже имела на местах все необходимые, готовые к применению средства. Учитывая сегодняшние задачи, эти структуры командования и управления больше не имеют смысла. Командиры и начальники отделов связи, работающие с коллегами из принимающей стороны на стратегическом уровне, должны отчитываться и получать распоряжения из штаба стратегического уровня.

Альтернативный подход

Учитывая эволюцию от тактических/операционных заданий до стратегических, NHQSa, MLO в Белграде и NLO в Скопье должны быть вычленены из командной цепочки JFCNP и переданы в схему двойного стратегического командования (Bi-SC) и подчиняться обоим стратегическим командованиям НАТО, ACO и Объединенному командованию трансформации (ACT). Именно такие отношения командования созданы в Управлении военного партнерства альянса (MPD).

Согласно документации НАТО, «MPD обеспечивает директивы, управление, координацию, поддержку и оценку деятельности в рамках военного сотрудничества альянса. Оно направляет и контролирует вовлеченность стран – не членов НАТО в программы военного партнерства, их мероприятия и деятельность, координирует и реализует планы и программы НАТО в сфере партнерства. MPD работает совместно с ACO и располагается в Верховном штабе стран-союзниц в Европе (SHAPE) в бельгийском городе Монс с группой персонала в Верховном штабе Объединенного командования трансформации (SACT) в Норфолке, штат Вирджиния».

Структура двойного стратегического командования для подразделений связи НАТО сможет предоставить прямой доступ к одному стратегическому командованию (ACO), ответственному за деятельность альянса по всей Европе; доступ ко второму стратегическому командованию (ACT) с задачами, которые включают руководство военной трансформацией НАТО и улучшение отношений, взаимодействия и практического сотрудничества с партнерами, с другими странами и международными организациями; и доступ к организации двойного стратегического командования (MPD) с тщательно выверенной задачей поддержки их работы на Западных Балканах. И что более важно, она поставила бы контроль за подразделениями связи НАТО на правильное место – на стратегический уровень.

В дополнение к модифицированным отношениям командования и управления (C2) для NHQSa, MLO в Белграде и NLO в Скопье, НАТО следует создать штабы C2 на Западных Балканах для руководства, координации и интеграции деятельности этих трех подразделений связи и любых новых подразделений, которые могут быть созданы. Более того, альянс должен давать ключевым руководителям полномасштабные назначения на 2-3 года службы в таком штабе C2, подобно назначениям военных атташе в этих странах. Сейчас назначение этих руководителей напоминает краткосрочную «заброску», что отрицательно сказывается на последовательности в работе, когда каждый из часто меняющихся руководителей начинает с нуля. Реально функционирующий штаб НАТО C2, в котором ключевые руководители прикомандированы на длительные сроки, стал бы убедительным свидетельством приверженности НАТО безопасности и стабильности на Западных Балканах. Это также подчеркнуло бы то значение, которое придает альянс развитию военных институтов в странах-партнерах, являющихся потенциальными членами альянса. Такой штаб C2 мог бы выполнять роль ключевого пункта контроля, координации и сотрудничества под руководством начальника штаба и его персонала, для которых эти задания будут основными и единственными.

Модель EUCOM JCTP может быть полезной при рассмотрении различных вариантов относительно этих предложений. Программа имеет подразделение C2 в штабе EUCOM в Штутгарте, который укомплектован как военнослужащими действительной службы с прикомандированием к штабу сроком на три года, так и резервистами с возобновляемыми сроками службы в один год, многие из которых продлевали службу в штабе на три года и более. Подразделение C2 регулировало, координировало и поддерживало деятельность внутри страны, осуществляемую Военными группами связи (MLT), в каждую из которых входило от четырех до шести военнослужащих, которых дополняли военнослужащие из принимающей страны. Эти группы работали в помещениях принимающей стороны (как правило, в здании Министерства обороны или Генерального штаба) точно также, как и Группа советников НАТО в Сараево и другие представители НАТО в Белграде и Скопье.

Каждая группа связи MLT работала с коллегами из принимающей страны над разработкой рабочего плана для страны (CWP), в котором перечислялись цели и задачи трансформации принимающей страны, этапы развития и

роста профессионализма, а также взаимодействие с НАТО. Страны-партнеры и группы MLT регулярно получали CWPs, в которых отражался процесс продвижения к цели и к решению отдельных задач, и в которые добавлялись новые цели и задачи. Каждая цель определялась таким образом, чтобы ее можно было достичь за 3-5 лет, и разбивалась на обеспечивающие успех задачи, каждую из которых предполагалось решить за 1-2 года. Многие цели и задачи JCTP были определены таким образом, чтобы прямо соответствовать целям и задачам принимающей страны, обозначенным в программе ПРМ. Когда для решения задачи требовалась помощь или квалификация извне, MLT совместно со штабом JCTP запрашивали требуемую поддержку у персонала USEUCOM, у командования американского воинского контингента на театре военных действий, у компетентного воинского подразделения или ведомства в США или у государства-партнера принимающей страны, входящего в Программу партнерства Национальной гвардии США. Одиннадцать стран-партнеров активно взаимодействовали в рамках JCTP, сосредоточили внимание на решении задач, которые предусматривали партнерство с НАТО, и, в конечном итоге, стали полноправными членами НАТО.

Поскольку у НАТО уже имеются в распоряжении все эти подразделения для того, чтобы совершить этот переход к новой системе командования, управления и координации партнерской деятельности на Западных Балканах, то затраты потребуются минимальные. Все знания, необходимые для руководства реформой сектора обороны и безопасности и координации деятельности программы ПРМ в регионе, сегодня находятся в NHQSa. Объем этих знаний можно расширить и включить руководство и сотрудничество с подразделениями связи НАТО в странах-партнерах, находящихся по соседству с БиГ. При минимальных координирующих усилиях штаб с условным названием «Штаб НАТО на Балканах» уже в ближайшее время мог бы начать свою работу в уже существующих помещениях НАТО в лагере Бутмир или в здании Министерства обороны БиГ. Результатом этого было бы сотрудничество с упором на стратегический уровень и более высокая степень ежедневной координации и совместной работы.

Как штаб USEUCOM JCTP в Штутгарте помогает каждому MLT в выполнении их CWPs, так и штаб НАТО на Балканах будет оказывать помощь MLOs – через прямой доступ к штабам альянса стратегического уровня и другим ведомствам – в их выполнении различных планов партнерства НАТО, программ и инструментария, которыми пользуются их принимающие страны. У штаба будет возможность координировать и интегрировать деятельность на постоянной основе вместо того, чтобы периодически проводить заседания рабочих групп. Еще одним преимуществом такого штаба будут устоявшиеся рабочие отношения, наработанные NHQSa с дипломатическим сообществом в Сараево – представителями НАТО, послами стран-партнеров и военными атташе – которые можно использовать для интеграции двусторонней деятельности стран-партнеров в балканском регионе. Эти усилия свяжут в одну стройную систему усилия НАТО по налаживанию сотрудничества, чего при нынешней структуре C2 альянсу так и не удалось сделать.

Опасность сохранения нынешнего положения

Когда я прибыл в г. Тузла в БиГ летом 2002 г. с заданием координировать военно-гражданские операции многонациональной дивизии «Север», IFOR/SFOR находились в БиГ уже почти семь лет. Одной из моих основных задач было координировать работу большого числа правительственных и неправительственных организаций, которые доставляли гуманитарную помощь и восстановительные ресурсы после жестокого вооруженного конфликта, принесшего разрушения стране и ее народу. Я приехал как раз в то время, когда имел возможность вблизи наблюдать такой феномен, как «усталость доноров». Эти организации успешно доставляли все наиболее необходимое, но они теряли терпение в тех районах страны, где оказание помощи было затруднено из-за коррупции, политических распрей или отсутствия руководства на местном уровне. В результате ресурсы для нашей работы в БиГ стали сокращаться, поскольку международные доноры стали доставлять помощь в другие места.

Десять лет спустя, когда я был начальником штаба в Сараево, я испытал чувство «дежавю». К тому времени контингент НАТО присутствовал на Балканах уже почти два десятилетия с заданием, которое прошло эволюцию от «в основном поддержание мира» до «в основном реформы сектора обороны и безопасности». Самый важный аспект нашей работы, особенно в Боснии и Герцеговине, буксовал на месте, большей частью, из-за внутренних политических разногласий. В результате члены международного сообщества продемонстрировали четкие признаки того, что я назвал бы «усталость сотрудничества». Некоторые начали выражать открытое раздражение неспособностью боснийских лидеров достичь прогресса на евро-атлантическом интеграционном направлении. Тем временем, несмотря на препятствия, которые избранные и назначенные гражданские лидеры постоянно воздвигали на их пути, Вооруженные Силы Боснии и Герцеговины достигли поразительного прогресса, кульминацией которого стали многочисленные отправки воинских контингентов в составе сил НАТО в Ирак и Афганистан.

НАТО и международное сообщество в широком смысле не могут позволить, чтобы «усталость сотрудничества» увлекла нас по тому же пути, что и «усталость доноров» в свое время на Западных Балканах. Мы не можем просто поздравить самих себя с тем уровнем успеха, который мы сумели достичь, отказаться от более высоких целей, которые наметили мы и наши партнеры в регионе, разобрать наши палатки и уехать домой. Такие действия, несомненно, приведут к возобновлению нестабильности и снижению уровня безопасности. Мы должны по-новому оценить, реорганизовать и переориентировать наши усилия по организации сотрудничества для того, чтобы и дальше вносить вклад в укрепление безопасности и стабильности в регионе. □

Совместная БЕЗОПАСНОСТЬ в НАТО

Повышенное внимание к Статье 3 позволит улучшить взаимодействие, необходимое, чтобы противостоять угрозам внутри блока

Майор Джозеф Н. Гарднер, сухопутные силы США

На лиссабонском саммите в ноябре 2010 г. была опубликована новая Стратегическая концепция НАТО, которая определила совместную безопасность в качестве дополнительной ключевой задачи. «Альянс будет занимать активную позицию в вопросах повышения международной безопасности, - говорится в документе, - посредством партнерства с соответствующими странами и другими международными организациями; внося весомый вклад в контроль над вооружениями, нераспространение ОМУ и разоружение; и сохраняя возможность вступления в Альянс открытой для всех европейских демократий, отвечающим стандартам НАТО». Развитие совместной безопасности является устоявшимся подходом, возникшим в ходе исторического процесса создания мер безопасности для защиты суверенитета и национальной безопасности стран и во имя международной стабильности. В своей статье «Справляясь с переменами: реформы и демократический контроль за сектором безопасности и международным порядком» геостратег Теодор Уинклер отмечает:«В том, что касается безопасности, каждая страна имеет четко выраженные базовые интересы, среди которых основные: способность охранять и, если необходимо, защищать свою территорию, воздушное пространство, морские границы, важные объекты инфраструктуры и национальные интересы; защищать свои границы от нелегального и тайного перемещения людей и товаров; обеспечивать безопасность, жизнь, здоровье и имущество своих граждан и населения страны в целом; охранять страну от организованной преступности, от нападений террористов или любых других групп, которые ставят целью насильственное свержение конституционного порядка и существующих государственных структур или захват контроля как минимум над частью территории государства».

Совместная безопасность представляет собой наилучшее решение вопроса региональной территориальной обороны в обстановке, когда военная мощь потенциального противника превосходит военные возможности граничащих с ним стран. Этот дисбаланс существовал во время российской военной интервенции в Грузию в 2008 г. и аннексии украинского Крыма в 2014 г. Более того, когда противник демонстрирует свою превосходящую мощь как открытым, так и тайным путем, страны со скромными средствами самозащиты должны полагаться на помощь со стороны других государств.

Кроме того, появление межрегиональных и транснациональных угроз, влияющих на стабильность государства, его соседей, и государств, связанных коммуникационными линиями, делает сотрудничество по различным аспектам сферы безопасности чрезвычайно важным. Сегодня мировая общественность охвачена тревогой в связи с ростом международного терроризма, который бросил вызов такому понятию, как «безопасные пространства». Общества сталкиваются с угрозами, с которыми ни одно государство не справится в одиночку, и совместными усилиями государства должны более эффективно использовать имеющиеся возможности. Необходимо возродить, оберегать и поддерживать совместную безопасность, чтобы дать чувство уверенности малым странам и сдерживать попытки экспансии влияния крупных агрессивных стран. Идея состоит в том, чтобы продемонстрировать, что недостаточные военные затраты приводят к недостаточному сдерживающему военному фактору и

Голландский вертолет, шведская подводная лодка и голландский и британский фрегаты участвуют в учениях НАТО у побережья норвежского города Берген.
КМДР. ДЭВИД БЕНАМ /ВМФ США

побуждают к сотрудничеству и созданию совместной безопасности в рамках НАТО, что и закреплено в Статье 3.

КОНЦЕПЦИЯ СОВМЕСТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Совместная безопасность – это сложная ключевая задача НАТО, которая подчеркивает важность скоординированных усилий, установление единых стандартов и обмен критически важной информацией, относящейся к сфере общих угроз. Как было отмечено в коммюнике НАТО на варшавском саммите в 2016 г., «Сложность и изменчивость обстановки безопасности подчеркивает необходимость в более тщательном, индивидуальном и гибком подходе, чтобы сделать наше партнерское сотрудничество более стратегическим, слаженным и эффективным». На тему совместной безопасности было много написано в попытке кодифицировать этот термин и создать атмосферу диалога, чтобы сформировать системный, организационный и правительственные подходы к данной концепции. На историческом этапе, когда почти каждая сфера сливается в географическом и пространственном смысле, совместная безопасность должна основное внимание уделять защите гражданского населения и предотвращению территориальной нестабильности.

ЗАТРАТЫ НА ВОЕННЫЕ НУЖДЫ

Признавая, что различные страны имеют различные оборонительные возможности, будет ли разумным предположить, что, собрав воедино военные ресурсы этих стран, мы сможем создать механизм, отвечающий требованиям совместной безопасности? Чистая статистика – только четыре страны НАТО выделяют требуемые 2% своего валового национального продукта (ВНП) на оборону – вызывает беспокойство. Более того, согласно Уставу НАТО, 20% от этих 2% должны идти на финансирование крупных закупок вооружений. В то время, когда несколько государств с трудом пытаются достичь 2% порога и примерно такое же количество стран не в состоянии выполнить требование о 20% тратах на военные закупки, отдельные страны сокращают свои военные расходы в целом, что вызывает еще большую озабоченность. Это сокращение оборонных расходов стояло отдельным пунктом в повестке дня на саммите НАТО в Уэльсе в 2014 г., на котором альянс пришел к согласию о том, что «союзники, чей нынешний процент ВНП, потраченный на оборону, меньше установленного, приостановят любые дальнейшие снижения расходов на оборону».

Это свидетельствует о нескольких обстоятельствах. Во-первых, если даже более богатые государства-члены альянса не тратят на оборону оговоренный минимум, то насколько же труднее это сделать странам с более слабыми экономиками? Во-вторых, попытка достичь целей совместной безопасности может привести к финансовому перенапряжению или даже краху страны, к которой обратились с просьбой поддержать глобальные операции НАТО. Этот предостерегающий урок нашел отражение в обзоре оборонной реформы Азербайджана, в котором отмечается, что «постоянная внешняя безопасность не должна достигаться за счет нанесения ущерба экономике государства». Третье обстоятельство, и, возможно, наиболее важное, состоит в том, что в действительности слабый экономический фундамент многих стран не позволяет им финансировать военные программы исследований и развития и одновременно платить приличные зарплаты военнослужащим, которых отправили защищать свои страны и участвовать в боевых действиях за границей. Особенно четко это наблюдается в Центральной, Южной и Восточной Европе, где многие страны проходят через реформу сектора безопасности после распада Советского Союза и бывшей Югославии, в то время как некоторые другие страны пытаются справиться с очагами региональной нестабильности.

Несомненно, безопасность является основой государственной стабильности и роста многих важных секторов экономики, таких как сфера общественных услуг и инвестиции. И даже тогда не все так просто, поскольку экономическое развитие генерирует средства для финансирования сектора безопасности и дает государству возможность выделить те самые 2%. Более того, многие страны просто не располагают военно-промышленной базой для программ исследований и развития, не говоря уже о возможности массового производства высокотехнологичной военной техники. США должны предложить этим странам экономичные варианты обеспечения базовых возможностей. Такое неравенство в имеющихся в наличии средствах предполагает, что объединение усилий для достижения всеобщей безопасности является подходящим вариантом для НАТО.

Слева направо: Начальник обороны Эстонии генерал-полковник Рихо Террас, министр обороны Эстонии Ханнес Хансо и министр обороны Финляндии Джусси Ниинисто беседуют на встрече министров обороны, посвященной вопросам взаимодействия, на саммите НАТО в Варшаве, Польша, в июле 2016 г.
НАТО

Хотя объединение и совместное использование ресурсов порождает дебаты относительно неравенства внесенных вкладов, в целом эта концепция имеет позитивный характер. Например, она позволяет стране-члену предоставить все имеющиеся у нее ресурсы для выполнения какой-то многонациональной задачи альянса. Участие в миротворческих операциях и в борьбе с терроризмом путем предоставления своих воинских контингентов помогает в разработке и реализации планов действий НАТО.

СТАТЬЯ 3

Во многих отношениях идея совместной безопасности достаточно четко изложена в Статье 3 Устава НАТО: «В интересах более эффективного осуществления целей настоящего Договора Договаривающиеся стороны, порознь и совместно, посредством постоянных и действенных самостоятельных усилий и взаимопомощи будут поддерживать и наращивать свой индивидуальный и коллективный потенциал борьбы с вооруженной агрессией». В духе совместной безопасности страны задействуют свой потенциал самообороны в общих (объединенных) усилиях для повышения коллективного потенциала НАТО в защите против вооруженной агрессии. Статья 3 указывает, что должны делать страны-участницы и партнеры для того, чтобы снизить вероятность конфликта, в то время как в случае реальной вооруженной агрессии, или когда такая агрессия считается неизбежной, вступает в действие Статья 5, предусматривающая коллективную оборону. За всю 67-летнюю историю НАТО, однако, Статья 5 была применена только один раз, после террористических нападений на США 11 сентября. Таким образом, Статья 5 имеет определенные ограничения, поскольку каждая страна-участница имеет право определять собственные ответные действия. По сути, Статья 5 всегда содержала двусмысленность – слово «консультации» в Статье 5 выполняет роль спасательного люка, через который можно ускользнуть.

Вот почему эволюция индивидуальных возможностей для территориальной обороны, предусмотренная Статьей 3, является, возможно, более важной для трансатлантической обороны и безопасности. Хотя каждая страна рассматривает вопросы безопасности по-своему, основываясь на наличии близлежащих угроз и на приемлемом «пороге» опасности, в реальности проблема безопасности не может быть отдана на откуп отдельным странам. В этом контексте страны должны сотрудничать на региональном или глобальном уровне для того, чтобы свести угрозу до минимума или дать отпор агрессии. «Разделяй и властвуй» - вот стратегическая цель тех государств и негосударственных образований, которые хотят остановить распространение западных ценностей и норм поведения. Что касается прибалтийских государств, то Майкл Клеммесен в своей книге «Гранича с Россией: теория и перспективы прибалтийского края Европы» отмечает, что «в период между войнами, а также в период до и после получения этими тремя странами независимости советское и российское руководство пришло к выводу, что степень координации политики этих республик была слишком высокой, чтобы их можно было разделить и поставить под контроль».

А тем временем, прибалтийские страны преодолели многочисленные различия и экономическую конкуренцию ради получения членства в Европейском Союзе и в НАТО. Как отметила канцлер Германии Ангела Меркель в заключении встречи Совета государств Балтийского моря: «Во времена глобальной конкуренции региональное сотрудничество может высвободить большой потенциал, создать рабочие места и улучшить качество жизни людей». Несмотря на то, что у каждого государства есть внутренние национальные интересы, партнерство требует одинакового подхода к вопросам совершенствования совместной безопасности. Россия, тем не менее, по-прежнему развивает идею российского наследия и стремится нарушить стабильность таких государств как Армения, Азербайджан, Грузия, Молдова и Украина. На другом конце спектра негосударственные образования используют религиозный радикализм для того, чтобы посеять разобщенность в местных общинах.

В коммюнике варшавского саммита НАТО указывается: «Мы продолжаем опираться на нашу систему совместной безопасности для того, чтобы интенсифицировать политический диалог, укрепить конструктивные отношения в регионе и увеличить нашу поддержку партнерам путем практического сотрудничества, а также путем повышения их обороноспособности и помощи в разрешении кризисных ситуаций». Это заявление повышает авторитет и доверие к Статье 3 как движущей силе механизма совместной безопасности. Более того, политическое сотрудничество и продуктивные отношения являются чрезвычайно важными для создания у стран оборонительных возможностей, которые накладываются друг на друга и формируют

МАТРИЦА УГРОЗ НАТО

СОВМЕСТНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СТАТЬЯ 3

- Экономические и социальные угрозы, включая бедность, инфекционные заболевания и ухудшение состояния окружающей среды
- Межгосударственные конфликты (внутри Европы)
- Внутренний конфликт, включая гражданскую войну, геноцид , другое широкомасштабное истребление людей
- Ядерное, радиологическое, химическое и биологическое оружие
- Терроризм
- Транснациональная организованная преступность
- Киберпреступность

КОЛЛЕКТИВНАЯ ОБОРОНА: СТАТЬЯ 5

- Межгосударственный конфликт (агрессор за пределами Европы)
- Российская агрессия (на востоке и на юге)
- Применение оружия массового уничтожения
- Гибридная война
- Война в киберпространстве
- Терроризм

Источник: НАТО

своеобразный сплетенный щит, превращая коалицию в труднодоступную цель, что охладит воинственный пыл противника и ликвидирует целый ряд других угроз.

Создание надежного щита предполагает образование структур и соответствующей доктрины для военных операций в поддержку совместной безопасности. В период после «холодной войны» вооруженные силы США используются в качестве инструмента американской дипломатии для построения отношений сотрудничества со странами, которые при других обстоятельствах были бы настроены враждебно по отношению к США и их интересам. Поскольку США вносят свой вклад в совместную безопасность практически во всех регионах мира, другие члены НАТО прислушиваются к мнению США, осознавая, что участие США во всех операциях НАТО гораздо более ощутимое, чем их собственное. В 2008 г. Министерство обороны США опубликовало официальную доктрину, которая определяет критерии военного вклада в реализацию механизма совместной безопасности боевыми командирами в различных регионах мира, а также командованиями объединенных сил. В этом документе дается следующее определение совместной безопасности: «Набор непрерывных, долгосрочных, взаимосвязанных, всеобъемлющих действий, предпринимаемых широким кругом американских и международных правительственных и неправительственных партнеров, которые поддерживают или повышают стабильность, предотвращают или смягчают кризисы и делают возможным проведение других операций в случае возникновения кризисных ситуаций».

Подход американских военных к совместной безопасности включает пять задач. Они проходят через весь спектр угроз, однако, требуют сотрудничества с союзниками и партнерами. Более того, через механизм постоянного сотрудничества с союзниками и партнерами эта концепция может послужить для других стран основой создания своего военного потенциала в соответствии со своими национальными интересами.

Если вкратце, то натовские центры совершенства являются абсолютной необходимостью для отработки взаимодействия, взаимосвязи и взаимозависимости; в этом качестве они функционируют как гарантия действенности Статьи 3. Совершенствуя возможности взаимодействия через закупки оборудования, соответствующего стандартам НАТО, и реализуя принципы, детально прописанные в Плане действий страны-участницы, любой член НАТО или страна-партнер будут в состоянии постоянно предоставлять друг другу непрерывную и эффективную помощь. С другой стороны, способность НАТО интегрировать огромное количество передовых технологий и возможностей отдельных стран-участниц повысит коллективную мощь альянса, что позитивно скажется на совместной безопасности. Что касается взаимозависимости, то на определенных уровнях она уже существует, поскольку члены НАТО и страны-партнеры полагаются на своих соседей в таких экономических аспектах, как обеспечение безопасных линий коммуникаций и защита критически важных объектов инфраструктуры. Однако, постановка взаимозависимости на операционную основу для поддержания концепции НАТО о совместной безопасности требует создания структуры, которая бы сосредоточилась на будущих возможностях для решения оперативных задач, а не на простых краткосрочных требованиях.

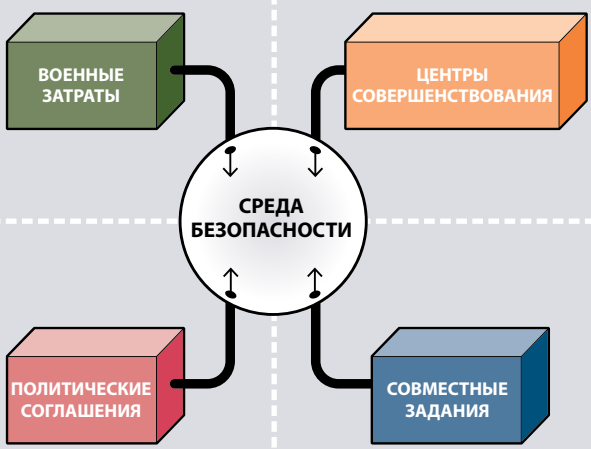
Большое значение придается требованиям 2% и 20% к затратам, однако реальное производство военной продукции имеет большее значение, чем сумма затраченных средств. Суть в том, что НАТО указывает членам альянса, что им делать с 20% их оборонных ассигнований; оставшиеся 80% государство тратит по собственному усмотрению. Как указывается в опубликованной в 2014 г. статье «Возрождение НАТО: новые пути НАТО после саммита в Уэльсе», Греция является одной из тех четырех стран, которые вкладывают соответственно 2% и 20%, но при этом у страны нет возможности или желания создать военную мощь на длительный период времени. В то же время Дания, которая вкладывает в оборону меньше, чем требуют

СРЕДА БЕЗОПАСНОСТИ

Среда безопасности – это запутанное и непредсказуемое стратегическое пространство из-за близости многочисленных угроз, которые требуют целого ряда ответных совместных функций и систем, поддерживаемых отдельными государствами.

ВОЕННЫЕ ЗАТРАТЫ
Напрямую связаны со средой безопасности и указывают на способность государства финансировать аппарат самообороны в соответствии с интерпретацией угроз

ЦЕНТРЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
Позволяют экспертам в специальных отраслях сотрудничать по вопросам интеграции почти совместимых структур и анализировать помехи для обеспечения безопасности среды



ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ
Позволяют выделение и использование национальных ресурсов

СОВМЕСТНЫЕ ЗАДАНИЯ
Собирают воедино деятельность двусторонних и многосторонних коалиций, включающую учения, миротворческие миссии и боевые операции

ИЛЛЮСТРАЦИЯ PER CONCORDIAM

натовские стандарты, постоянно демонстрирует свою готовность поддерживать операции НАТО непропорционально большими воинскими контингентами. В будущем, возможно, наилучшим выходом были бы взносы в размере 10% в фонд НАТО по исследованиям и развитию, который выгодно использует таланты и инновационные предложения специалистов в странах альянса, чтобы образовать долгосрочную и предсказуемую военную платформу взаимодействия НАТО.

Цель состоит в том, чтобы предотвратить явление, на которое особо обратил внимание во время кампании в Косово в то время командующий американским силами генерал Уэсли Кларк: «Нас должно отрезвить то, что за последнее десятилетие мы стали свидетелями нарастающего падения технологического уровня вместо слияния высоких национальных технологических возможностей». Мы не хотим сказать, что состояние НАТО в целом ничуть не улучшилось с 1999 г. Однако, технологии с тех пор развивались в течение почти двух десятилетий, и с расширением членства НАТО большой разрыв в военных потенциалах участников по-прежнему негативно влияет на безупречное проведение операций (как реальных, так и во время военных учений). Как отмечается в одной статье в журнале «The Three Swords»: «При достижении военного взаимодействия наиболее трудной задачей является реализация многочисленных национальных политик, процедур и ограничений, разработанных на протяжении многих лет для защиты национальных систем безопасности; все это просто делает достижение взаимодействия невозможным».

ДВИГАЯСЬ ВПЕРЕД

Во-первых, национальные интересы и местные приоритеты необходимо совместить с концепциями НАТО, поскольку они представляют собой объединяющие инструменты как «мягкой», так и «жесткой» безопасности. Государства должны признать, что даже «мягкая» военная машина, чтобы быть более эффективной, требует наличия элемента «жесткой» военной мощи. Таким образом, совершенствование оборонных систем отдельных регионов является ключевым аспектом национальной безопасности. И даже если более приоритетные национальные интересы часто могут отодвигать на второй план долгосрочные проекты укрепления обороноспособности страны, сам факт усилий по укреплению национальной обороны уже повышает уровень национальной самоуверенности. Расширение сотрудничества в вопросах региональной безопасности помогает обнаруживать и передавать информацию о потенциальных угрозах, что сократит уровень трансрегиональной преступности.

Во-вторых, страны-члены должны сохранять центры совершенствования как каналы для взаимодействия, интеграции и взаимозависимости и для обмена информацией и разведданными. В-третьих, НАТО должно продолжать финансировать программы поддержки развивающимся экономикам; точно также, военные учения коалиции должны оставаться приоритетом для всех заинтересованных сторон, даже если некоторые страны не находятся в географической близости к району вероятных боевых действий. И наконец, государства должны пересмотреть свои механизмы внутренней безопасности и обороны и приблизить их к духу Статьи 3, на которой основываются концепции самообороны и взаимной безопасности. При этом мы не пытаемся снизить значение Статьи 5, просто подчеркиваем тот факт, что страны, имеющие возможность и потенциал защитить себя, помогают в сдерживании агрессивных государств и негосударственных образований. Трансатлантическое сообщество полагается на доверие для достижения успеха в таких областях, как безопасность и экономика, и поэтому обмен информацией имеет смысл даже тогда, когда он не в интересах конкретного государства, поскольку может случиться так, что этому государству понадобится помощь именно на основе такого обмена информацией. Поддерживая такой подход, НАТО сможет продолжать консолидировать динамичные ценности альянса и обеспечивать безопасность Восточной Европы и Южного Кавказа.

ВЫВОДЫ

Перед лицом приближающихся угроз государства должны пересмотреть свои механизмы внутренней безопасности для того, чтобы защитить своих граждан. В современной оперативной обстановке, когда физический контакт с противником имеет место уже сегодня, идти покупать инструментарий «жесткой» безопасности завтра будет слишком поздно. Мир постоянно изменяется, и быстрое развитие технологий и метаморфоза направлений угроз не позволят НАТО спокойно почивать на лаврах своих прежних успехов, достигнутых при помощи устаревших механизмов.

С точки зрения результата, путей и средств его достижения, синхронизация трех ключевых моментов этой статьи смогут обеспечить эффективность полного спектра операций по обеспечению совместной безопасности. «Результатом» будут служить аппараты безопасности и политических решений стран-участниц и стран-партнеров, приведенные в соответствие с положениями Статьи 3. «Путем», которым пойдет НАТО для достижения этого результата, будет использование центров совершенствования, характеризующихся динамичными инновациями. И решающим «средством» в боевой обстановке является взаимозависимость, этот краеугольный камень совместной безопасности, существующий при помощи разумных военных затрат на «правильные» инструменты взаимодействия, что позволит несколько ослабить интеграцию.

Совместная безопасность НАТО призвана стать правильной дорогой к успеху альянса до 2020 г. и в последующие годы, однако близость региональных и транснациональных угроз требует от членов и партнеров НАТО полной приверженности принципам этой концепции. Окончательный успех в защите НАТО от агрессии и от многочисленных угроз в значительной мере будет зависеть от того, какую организационную работу проведут различные правительства в качестве ответа на эти угрозы. □

Майор Джозеф Н. Гарднер можно связаться по электронной почте joseph.gardner@marshallcenter.org

ХОРОШЕЕ ОБУЧЕНИЕ ХОРОШИЕ СОЛДАТЫ

Развитие и совершенствование процесса военного образования на Украине

Генерал-майор Игорь Толок, Министерство обороны Украины

БМП-2 поддерживает огнем украинскую пехоту во время учений в июне 2016 г. в Международном центре миротворчества и безопасности возле украинского города Яворив, на которых солдаты отрабатывали боевые навыки обороны, необходимые для повышения самообороны Украины. КАПИТАН СКОТТ КУН/СУХОПУТНЫЕ СИЛЫ США

«Революция достоинства» открыла новую главу в истории Украины, проложив дорогу к открытому обществу, свободному от коррупции и пережитков прошлого и призывая к более высокому уровню национального патриотизма. Украинский народ выбрал европейский путь развития, реформы и мирное сосуществование. Однако агрессивная геополитическая позиция России, ее борьба за господство в регионе и даже во всем мире, и ее неуважение к международным законам и законам войны привели к аннексии Крыма и вооруженному конфликту в восточной части Украины.

Используя новые методы и средства гибридной войны, России удалось обмануть население, посеять сепаратистские настроения и создать вооруженные, обученные и финансово мотивированные незаконные сепаратистские группировки.

Кроме того, игнорирование потенциальных угроз и современных вызовов предыдущим национальным руководством государства вместе с «остаточным» принципом финансирования Вооруженных Сил означало, что национальные силы безопасности не были готовы отразить российскую агрессию – не только в смысле вооружений и военной техники, но и в смысле профессиональной и психологической готовности использовать их в сценариях гибридной войны, особенно в городских районах и в ситуациях, когда противник использует гражданское население как живой щит во время военных операций.

Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг выступает на пресс-конференции на полигоне «Яворив» на Украине. AFP/GETTY IMAGES

В этих условиях одним из приоритетов в создании оборонного потенциала Украины стало проведение ряда мероприятий, направленных на улучшение содержания и качества подготовки военных специалистов, повышение их психологической и моральной подготовки к новому виду военных действий и помощь в более быстром овладении практическими военными навыками. Это было сделано под руководством Отдела военного образования и науки Министерства обороны Украины совместно с Генеральным Штабом Вооруженных сил Украины и командованием Вооруженных сил.

Новая программа обучения (конференции, семинары, «круглые столы», методические занятия и инструктаж, демонстрации и участие преподавательского состава в анти-террористических операциях) дала в результате систему более высокого военного образования, которая плавно переходит от традиционного, классического и статического образовательного процесса к динамичной системе быстрых изменений в стандартах обучения, программах, формах и методах, основываясь на постоянном анализе того, как были задействованы силы в антитеррористических операциях и какие можно извлечь уроки из локальных вооруженных столкновений и современных конфликтов.

Требования, предъявляемые к специалистам, были изменены. Приоритет отдан практическому компоненту обучения, в то время как подходы к общей военной, психологической и физической подготовке, к тактической медицине и приобретению практических командных навыков и качеств лидера также претерпели серьезные изменения. Всеобъемлющая природа типов и методов обучения при сотрудничестве с экспертами с различными специализациями формирует основу профессионального обучения войск наравне с широким участием учащихся и преподавательского состава.

Военные высшие учебные заведения начали внедрять современные подходы к обучению специалистов, следя за тем, чтобы уровень навыков выпускников был максимально приближен к тому, который требуется в войсках. Например, трехэтапная система обучения полетам была разработана и внедрена впервые в Харьковском Университете ВВС; она обучает управлению боевыми самолетами и вертолетами до выпуска, а выпускникам после окончания этого курса присваивается степень магистра. Летная практика на боевых самолетах и вертолетах проводится непосредственно в боевых частях, в которых курсанты будут впоследствии служить. Пилоты-инструкторы – это офицеры, принимавшие участие в боях в зоне антитеррористических операций и получившие государственные награды. Первый выпуск пилотов со степенью магистра был в июне 2016 г.

Неприкрытая агрессия России в восточной Украине и уроки других локальных конфликтов четко демонстрируют, что в условиях современной гибридной войны безопасность Украины основывается на участии организаций коллективной безопасности. Хотя основной причиной, по которой Россия спровоцировала конфликт в восточной Украине, было стремление помешать сближению нашей страны с Европейским союзом, Украина недвусмысленно выбрала путь дальнейшей интеграции с ЕС и членство в НАТО.

Соответственно, одним из приоритетов в развитии системы военного образования является совершенствование европейской и евроатлантической интеграции и углубление и расширение отношений с высшими военными учебными заведениями в странах ЕС и НАТО.

Высшие военные учебные заведения Украины играют активную роль в натовской Программе повышения военного образования (DEEP), целью которой является оказание помощи странам-партнерам в создании и реформировании их национальных систем военного образования.

Отдел военного образования и науки совместно с НАТО организовал ряд мероприятий с привлечением сотрудников высших военных учебных заведений – в первую очередь преподавательского состава – для обмена знаниями и опытом с аналогичными зарубежными учебными заведениями по вопросам военного учебного процесса и для дискуссий с иностранными специалистами относительно учебных планов и программ.

DEEP может многое предложить в плане усовершенствования национальных систем военного образования:

- Для преподавателей: понимание зарубежных методов обучения военных специалистов; изучение современных активных образовательных технологий и внедрение их в учебный процесс; изучение англоязычной терминологии НАТО для работы с первоисточниками НАТО и натовскими стандартами; и создание условий для внедрения стандартов НАТО в учебный процесс.
- Для курсантов: помогать им в приобретении европейских ценностей и качеств лидера и военного профессионала в соответствии со стандартами НАТО; готовить их к выполнению заданий в составе международных воинских подразделений.
- Для высших военных учебных заведений: сделать национальную систему подготовки военных специалистов совместимой с европейскими стандартами подготовки; установить механизм сотрудничества, позволяющий быстрый обмен опытом с военными учебными заведениями стран НАТО.

DEEP не только предлагает уникальную возможность узнать о мировом опыте подготовки военных специалистов, но также дает преподавателям стимул для самосовершенствования и внедрения новых подходов к процессу обучения при специфических условиях.

Благодаря результативной работе Отдела военного образования и науки, генерального штаба Вооруженных сил Украины и командования Вооруженных сил, высшие военные учебные заведения успешно внедрили курсы повышения квалификации, обеспечив краткосрочные программы для резервистов, призванных во время мобилизации 2014-2015 гг. Используя модульный принцип создания программ, обширную секцию общей военной подготовки и интенсивную специализированную практическую подготовку, стало возможным в короткое время восстановить утерянные профессиональные и тактические медицинские навыки, обеспечить психологическую готовность к действиям в современных условиях и выполнить требования мобилизации войск.

В результате изучения иностранного опыта и программ подготовки военных специалистов, особенно в области подготовки лидерства, стало возможным создать правовой механизм, ввести новые обучающие системы и дать сержантам и старшинам уникальную возможность получить высшее образование. Если они проявили качества лидера и отвагу и героизм в боевых условиях, они могут получить звание лейтенанта после трех месяцев специализированного обучения и получить возможности дальнейшего продвижения по службе.

Серия семинаров DEEP по организации учебной деятельности, активным методам преподавания и составлению учебных планов и программ – прочитанных ведущими лекторами из высших военных учебных заведений стран НАТО – дала толчок к пересмотру традиционных подходов к организации учебной и образовательной деятельности и поиску путей интенсификации сотрудничества всех, кто вовлечен в образовательный процесс. Основываясь на результатах этих семинаров, была проведена подготовительная работа на всех факультетах Харьковского Университета ВВС. Во время обучающих и методических занятий перед началом 2015-2016 учебного года был проведен педагогический технологический конкурс. Каждый факультет представил внедренные активные методы преподавания (такие, как изучение отдельных практических ситуаций и ролевые игры) для повышения познавательной деятельности курсантов во время обучения. Ценность каждого нововведения и победители конкурса определялись на основе голосования лекторов. Конкурентная основа этого мероприятия значительно повысила мотивацию лекторов по достижению лучшего результата.

Систематические улучшения имеют место и в языковой подготовке. Несмотря на то, что Вооруженным силам Украины (ВСУ) требуются ресурсы для проведения антитеррористической операции на востоке Украины, Отдел военного образования и науки смог возобновить учебные языковые курсы в сентябре 2015 г. в отдельных высших военных учебных заведениях. При содействии DEEP было организовано углубленное изучение иностранного языка для офицеров ВСУ в высших военных учебных заведениях стран НАТО. Курсанты освоили знание иностранного языка на уровне Стандартизационного соглашения 6001.

Тот факт, что и преподавательский состав, и курсанты имеют лучшие знания иностранного языка, означает, что некоторые курсы могут читаться на иностранном языке и возможны новые подходы к процессу обучения. Приятно видеть, что курсанты понимают важность языковой подготовки и хотят

Украинские военнослужащие 1-го батальона 93-й механизированной бригады осуществляют маневр на боевой машине пехоты БМП-2 в составе совместной многонациональной учебной группы в Международном центре миротворчества и безопасности на Украине в августе 2016 г. ШТАБНОЙ СЕРЖАНТ ЭЛИЗАБЕТ ТАРР/СУХОПУТНЫЕ СИЛЫ США

повысить свои знания языка, чтобы потом использовать их во время миротворческой деятельности и официального сотрудничества с иностранными партнерами.

Уже несколько лет Харьковский Университет ВВС предлагает возможность подготовить и защитить дипломные работы на степени бакалавра и магистра на иностранном языке. В 2016 г. 12 студентов успешно защитили свои работы на английском языке и, в соответствии с государственной сертификацией, получили дипломы с отличием.

Важным достижением является введение авиационных терминов на английском языке для студентов университета в соответствии со стандартами Международной организации гражданской авиации (ИКАО). Учащиеся-пилоты и воздушные диспетчеры могут улучшить свои практические языковые навыки как в университете, так и в «Украэрорух», общественном предприятии, тесно сотрудничающим с университетом в улучшении системы обучения воздушных диспетчеров в соответствии со стандартами ИКАО и Eurocontrol.

Уже через короткое время DEEP доказала свою эффективность в улучшении системы высшего военного образования на Украине и в обеспечении совместимости подходов к образованию и содержанию обучения.

Еще одним неоспоримым достижением является преодоление психологического барьера между преподавателями высших военных учебных заведений в странах НАТО и преподавателями из стран бывшего Советского Союза, а также установление дружеских отношений между высшими военными учебными заведениями Вооруженных сил Украины и их зарубежными партнерами.

ВЫВОДЫ

Система военного образования Украины постоянно совершенствуется, учитывая лучшие традиции международного опыта, и стремится дать Вооруженным силам офицеров с высокими боевыми навыками, которые смогут работать вместе с вооруженными силами НАТО.

Внедрение концептуальных принципов дальнейшего развития военного образования должны гарантировать переход к новому типу гуманистического и передового военного образования, которое повысит профессиональный, интеллектуальный, научный, культурный, духовный и моральный потенциал военных специалистов. Это приведет к позитивным изменениям в системе военного образования, в военных училищах, в подразделениях Вооруженных сил Украины в том, что касается качества подготовки военных специалистов, укрепления оборонных возможностей и развития теории и практики военного искусства и современных принципов силы.

Независимость, самодостаточность и творческая деятельность военных специалистов будет повышаться, и это поможет им в выполнении их задач, независимо от их сложности и условий. Это даст толчок процессу национального самоопределения военных специалистов, их авторитету в обществе и статусу украинских офицеров на международном уровне. □

ИЛЛЮСТРАЦИЯ *PER CONCORDIAM*

ЖЕНЩИНЫ, МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

УЧАСТИЕ БОЛЬШЕГО КОЛИЧЕСТВА ЖЕНЩИН В МИРНЫХ ПРОЦЕССАХ И В СЕКТОРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИНЕСЕТ ДОЛГОСРОЧНЫЕ ВЫГОДЫ

Энджули Уэстер, Центр им. Маршалла

ФОТОГРАФИИ: АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС

Женщины по всему миру ежедневно сталкиваются с проблемой своего социального статуса, но особенно очевидна проблема их недостаточного присутствия в секторе безопасности. По сведениям Межпарламентского Совета, международной организации парламентов, в 2015 г. женщины составляли 22% от общего числа парламентариев в мире, 6,6% глав государств и 7,3% мировых глав правительств. Среди министерских чиновников, которых часто посылают участвовать в мирных переговорах, женщины составляют 17%, причем подавляющее большинство из них работает в министерствах социальной сферы, занимающихся образованием и вопросами семьи. В результате, женщины редко участвуют в государственных делах, становятся членами делегаций или участниками мирных переговоров или принимают участие в программах реконструкции государств после окончания конфликтов. Эта проблема уходит своими корнями в векое неравенство полов и является следствием неравномерного увеличения прав женщин в патриархальных обществах, что в большой степени ограничило возможности женщин вести независимую активную общественную, экономическую и политическую жизнь.

Очень редко вы увидите женщин в составе государственных делегаций, на международных переговорах или в залах конференций, поскольку женщины в правительствах редко достигают постов, необходимых для того, чтобы получать подобные назначения. Поэтому вероятность того, что женщины будут участвовать в мероприятиях государственной важности невелика с самого начала. На мирных конференциях это даже создает определенные проблемы, когда судьба всех женщин в районе конфликта решается без сбалансированного участия женщин.

РЕЗОЛЮЦИЯ 1325

Этот спор не новый, и поэтому стоит рассмотреть предыдущие попытки добиться должного участия женщин в работе сектора безопасности. Резолюция Совета Безопасности ООН №1325, принятая в 2000 г., казалась революционным прорывом. Резолюцию, которую называли первой резолюцией по вопросу «женщин, мира и безопасности», расценивали как официальное признание необходимости «рассмотреть непропорциональное и особое воздействие, которое оказывают вооруженные конфликты на женщин». Резолюция 1325 и семь последовавших за ней резолюций пролили свет на проблемы, с которым женщины сталкиваются во время вооруженных конфликтов, и их нужды в плане безопасности.

Эта резолюция накладывает на все государства-члены ООН обязательство соблюдать четыре основные принципа: предотвращение конфликтов и насилия в отношении женщин и девочек; равное участие и равенство полов в процессе принятия решений на государственном и международном уровне; необходимость защиты женщин и девочек в зонах конфликтов; выявление и удовлетворение нужд женщин и девочек для возможного облегчения их существования и возвращения к нормальной жизни во время и после окончания конфликта. Участие женщин в реализации этих четырех принципов очень незначительно, но крайне необходимо. Чтобы исправить эту ситуацию, необходимо посмотреть на то, какую роль играют женщины в конфликтах, и какую роль они должны играть в разрешении конфликтов и в восстановительном процессе после окончания конфликтов.

РОЛЬ ПОЛОВ В КОНФЛИКТЕ

На протяжение всей истории вооруженные конфликты были в основном делом мужчин, в то время, как женщинам отводилась пассивная роль жертв. Это находит отражение в литературе, где женщины и дети были единственными группами, которые попадали в категорию «гражданских лиц». У мужчин

больше шансов быть убитыми в результате насильственного конфликта, чем у женщин, в то время как у женщин больше шансов умереть от голода и болезней после его окончания. Особенно высока вероятность сексуальной эксплуатации женщин, так как в ходе конфликта происходит разрушение существовавших ранее институционных и общественных защитительных барьеров.

Однако, в реальности, женщины также предрасположены к насилию и злу, как и мужчины, и могут играть в конфликте различные роли. Они могут быть активно вовлечены в работу военного аппарата в подразделениях планирования, исполнения и организационной работы, а также оказывать поддержку своим коллегами-мужчинами. Они могут быть солдатами, провокаторами, убийцами и исполнительницами пыток. Санам Н. Андерлини, консультант ООН и профессор Джорджтаунского университета, пишет в своей книге «Женщины строят мир», что «от Кашмира до Колумбии, от Эль-Сальвадора до Шри Ланка, особенно там, где войны разжигаются такими факторами, как стремление к национальной идентичности, свободе или самоопределению, женщины участвовали в предвоенной пропаганде, подстрекали к насилию, поощряли чувство мести и сами брали в руки оружие». Женщины в состоянии играть традиционную роль бойцов, которую в большинстве случаев играют мужчины. Данный факт часто остается незамеченным в период после окончания конфликта, когда виновники разжигания конфликта должны быть призваны к ответственности, или когда бойцы должны пройти через процесс разоружения, демобилизации и реинтеграции. Исследования показывают, что женщины, участвовавшие в конфликте, особенно в странах, где придерживаются традиционных взглядов на роль полов в обществе, менее склонны участвовать в программах реабилитации, поскольку это снижает их шансы на возвращение в свои общины.

Трудно установить размер прямого участия женщин в конфликте из-за огромной сложности в сборе данных во время вооруженного конфликта, а также вследствие огромного разнообразия подобных случаев. Поэтому обычно мы обращаем внимание на бросающиеся в глаза факты, такие как подрывающие себя террористки-смертницы или подразделения женщин-бойцов курдской Пешмерги. Однако, эти примеры взяты в определенном контексте и не являются нормой, по которой можно судить о таком явлении, как женщина-участник вооруженного конфликта. С таким же успехом мы можем заявить, что мужчин несправедливо считают основными участниками вооруженных конфликтов, не принимая во внимание, что они сами могут быть жертвами, или что их могут заставить воевать под дулом пистолета.

ЖЕНЩИНЫ И УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОВ

Мы должны признать, что участие и вовлеченность женщин в сферу безопасности, и особенно в мирные процессы, не является панацеей в борьбе за прекращение всех конфликтов на Земле. Женщины также являются не единственной категорией, которую незаслуженно исключили из мирных процессов, ограничив круг участников только воюющими сторонами и посредниками. В то же время, имеются достаточные доказательства того, что женщины, особенно организованые в гражданские сообщества, могут черезвычайно эффективно влиять на претворение в жизнь мирных предложений в условиях конфликта. Женщины – это вторая половина уравнения. Попросту говоря, нелогично оставлять их потенциал неиспользованным. Эффективное влияние женских групп способствует более частому достижению мирных соглашений, их претворению в жизнь и более продолжительному сроку их действия – такое мнение содержится в работе «Расширение участия в политических переговорах и претворении их в действие», содержащей исследование 40 отдельных случаев, выполненной Институтом международных исследований и развития в Женеве, Швейцария.

Женщины-беженки выступают за улучшение жилищных условий в греческом городе Салоники в ноябре 2016 г. Женщины недостаточно представлены на мирных переговорах, что отражается на качестве их жизни.

В ходе конфликта женщины также облегчают доступ к наиболее уязвимым категориям населения и лучше понимают их нужды. Именно потому, что за столом мирных конференций собираются преимущественно мужчины, они определяют результат мирных процессов и программ восстановления после окончания конфликта, тогда как интересы женщин, молодежи, стариков и меньшинств часто остаются неучтенными. Резолюция 1325 была принята именно потому, что нужды женщин, а также детей и стариков, отличаются от нужд военных, которые обычно участвуют в операциях по поддержанию безопасности и мира.

Уязвимость женщин, детей и стариков многократно возрастает в случае конфликта, поскольку разрушаются общественные институты, а структуры, прежде защищавшие эти группы, теперь отсутствуют. Овдовевшие женщины вынуждены заботиться обо всей семье, часто располагая очень скудными возможности. Как сообщает Фонд ООН в области народонаселения, прямое

Капитан ВВС Афганистана Сафия Ферози сидит в кабине турбовинтового самолета C-208 на воздушной базе в Кабуле. Ферози вылетает на транспортные задания и является вторым пилотом-женщиной страны в рамках программы Афганистана по привлечению большего количества женщин в свои вооруженные силы.

отношение к данной проблеме имеет тот факт, что вопросы охраны здоровья женщин и детей часто игнорируются, что может привести к повышенной смертности, особенно среди беременных женщин и грудных детей.

Таким образом, именно женщины привлекают внимание к тем важным вопросам, которые в противном случае просто игнорируются. Существующие многочисленные доказательства, включая экспертную оценку ООН в отношении реализации на практике Резолюции 1325, указывают на то, что, «когда женщины занимаются вопросами безопасности, правосудия, восстановления экономики и управления, они получают большие преимущества от установления мира, включая создание рабочих мест и общественных услуг. Это означает, что население скорее почувствует положительные результаты установления мира». Как правило, женщины более склонны заботиться об обеспечении населения продуктами, налаживании системы образования и уделяют особое внимание благополучию семей. Более того, наделив женщин полномочиями посредников на переговорах, участников миссий по поддержанию мира и сделав их ответственными за построение государств, мы можем быть уверенными в том, что в обществах, где мужчины и женщины, как правило, не взаимодействуют за пределами семьи, о женской части населения будет проявлена должная забота.

Как пишет Андерлини в своей книге, «не то, чтобы женщины обязательно были более бескорыстными, чем мужчины, хотя, основываясь на отдельных фактах, можно сделать вывод о том, что женщинам, как минимум, можно больше доверять, отчасти потому, что женщины менее замешаны в войнах. А также потому, что женщины выбирают особую тактику. Они выступают как представители народа, не пытаясь выгадать при этом что-то для себя лично». Например, в Сомали, где межплеменные распри были главной причиной вооруженного конфликта, женщинам запрещалось садиться за стол переговоров. Тогда они приняли решение создать «Шестой клан» для того, чтобы добиться участия в мирном процессе, в котором доминировали старейшины из мужского клана. «Шестой клан» был независимым от племенных структур, не принимал во внимание различное положение женщин в этих племенах, и объединил их в единое целое. Они не обязательно выступали за окончания конфликта или за более выгодные условия для своих собственных кланов – они просто хотели создать более безопасные условия обеспечения основных человеческих нужд, таких как покупка продуктов на рынке.

ВЫВОДЫ

Устоявшееся отношенее к определенным вопросам, системы и привычные практики никогда не изменялись за один день. Для того, чтобы женщины как можно скорее смогли принять участие в работе сектора безопасности, необходимы институционные изменения на уровне правительств и политических партий. Государства, в которых женщины наделены равными с мужчинами правами, и международные организации должны служить примером для других и, что самое главное, стараться на практике реализовывать те идеи, которые они проповедуют. Кроме того, необходимы культурные изменения в тех странах, в которых женщины ограниченны в своих правах. Изменения должны претерпеть как само видение роли мужчин и женщин в обществе, так и поведение мужчин, находящихся у власти. Особенно страстной должна быть поддержка женщин именно со стороны женщин. Хорошими примером может служить Кристин Лагарде, Управляющий директор Международного валютного фонда, которая, будучи министром финансов Франции, составила список из 20 женщин и дала его мужчинам-руководителям компаний, которые жаловались, что не могут найти для работы в их компаниях способных женщин. Собранные количественные и качественные доказательства говорят о том, что предоставление женщинам больших мест за столом переговоров должно восприниматься, как само собой разумеющееся. □

Военная ДИПЛОМАТИЯ

Жизненно важная стратегия для продвижения политических инициатив

Подполковник Гвин А. Карвер, сухопутные силы США

В условиях все возрастающей глобальной неопределенности и региональной нестабильности, когда бюджет Министерства обороны (МО) США урезан и недостаточно средств выделяется для продвижения национальных интересов, что может сделать МО для того, чтобы сохранить свое превосходство? Какую лучше всего избрать стратегию, чтобы продолжать эффективно выполнять свои функции обороны и доминирования по всему спектру – по горизонтали и вертикали, во времени и пространстве?

Один из способов эффективно решать эти вопросы – это военная дипломатия. В главе Хуана Эмилио Чейре в «Оксфордском учебнике современной дипломатии» военная дипломатия лучше всего определена как стремление достичь целей в международной политике путем умышленного применения или отрицания военных ресурсов и возможностей. Используемая с античных времен, военная дипломатия достигает наилучших результатов, когда применяется посредством взвешенных международных отношений в сфере обороны, переговоров и реальных действий. В наш век, омраченный нескончаемыми глобальными конфликтами и региональными междоусобицами, четко определенная и профессионально реализованная военная дипломатия исключительно важна для эффективного продвижения внешнеполитических инициатив, следования стратегиям национальной безопасности и обороны и защиты интересов Соединенных Штатов на региональном и глобальном уровнях. Экономическое противостояние и борьба за ресурсы вместе с голодом, засухами, болезнями, перенаселенностью, возросшей безработицей среди молодежи и бедностью создают условия для нескончаемого напряжения и конфликтов. Как указывает Чейре, когда военная дипломатия терпит неудачу, это влечет за собой нескончаемую нестабильность и часто перерастает в широкомасштабный конфликт или даже в войну. Если ее использовать эффективно, то военная дипломатия может стать отменным сдерживающим фактором в войне и одновременно способствовать политическому, социальному и экономическому развитию.

«Сила будущего» Америки

Будучи Председателем Объединенного комитета начальников штабов США в 2012 г., генерал Мартин Демпси заметил: «Мы сейчас находимся на стратегическом переломном рубеже, где сталкиваемся с другими геополитическими вызовами, с другими экономическими проблемами, мы наблюдаем смещение экономического и военного могущества. И что для нас сейчас важно, так это не упустить инициативу и вовремя реагировать на изменения на этом стратегическом переломном рубеже, приспосабливаясь к новым условиям». Когда бывший министр обороны Эштон Картер занял этот пост в 2015 г., в

ISTOCK

Полковник Брендан МакАлун, слева, старший военный представитель и военный атташе в посольстве США в Париже, прибыл во французский город Леквин в августе 2015 г. с целью навестить американского военнослужащего, раненного во время борьбы с вооруженным террористом в поезде Амстердам – Париж. РЕЙТЕР

Капитан Джон Вуд, американский военный и военно-морской атташе в Сингапуре, второй справа, идет вместе с тогдашним министром обороны США Леоном Панеттой, второй слева, сингапурским полковником Сарбджитом Сингхом, слева, и американским генерал-майором Чи Ви Таном в Сингапуре в июне 2012 г. Военные атташе играют ключевую роль в военной дипломатии Соединенных Штатов. РЕЙТЕР

Слева направо: тогдашний министр обороны Руанды генерал Джеймс Кабаребе, начальник штаба обороны Руанды генерал Патрик Ньямвумба и американский военный атташе подполковник Гвин Карвер беседуют после официального открытия учебного курса для командования и штаба Сил обороны Руанды. *THE NEW TIMES*

качестве одной из основных политических инициатив он выразил намерение сформулировать определение, а затем создать и развивать «Силы будущего». Это было представлено как усилие, направленное на приведение американских сил в наилучшее положение с учетом будущего с вызовами, на которые придется отвечать, и в котором оперативная обстановка будет, скорее всего, определяться размытыми параметрами времени и пространства, а не более конкретными физическими формами.

Цель была в том, чтобы сначала определить, а затем создать и расширить пути и средства МО для совершенствования оборонных возможностей, общих средств и механизмов реагирования. И хотя инициатива «Силы будущего» сосредоточена на готовности войск, включая такие вопросы, как улучшение управления личным составом и отделами кадров, механизмом набора в армию, удержания военных на службе, практик и процедур обращения с талантливыми военнослужащими, МО подчеркивает, что широкий стратегический замысел и видение совершенствования оборонного сектора именно на этих участках состоит в создании общенациональных сил, которые будут новаторские, более слаженные и способные продвигать оборонные инициативы США по всему спектру. Это видение включает «Силы будущего», которые проявляют инициативу и новаторство, жизнестойки и имеют хорошие дипломатические способности.

«СИЛЫ БУДУЩЕГО» ДОЛЖНЫ БЫТЬ ТАК ПОЗИЦИОНИРОВАНЫ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЕРЕЛОМНЫЕ РУБЕЖИ ЗАДОЛГО ДО ИХ ПОЯВЛЕНИЯ, ВМЕСТО ТОГО, ЧТОБЫ ПРОСТО РЕАГИРОВАТЬ И ОТВЕЧАТЬ НА НЫНЕШНИЕ И ВОЗНИКАЮЩИЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ, ЧТО СТАЛО НОРМОЙ ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ.

Для того, чтобы эффективным образом создать «Силы будущего» - глобально признанные, исключительные, универсальные, объединенные и совместные силы – следует также рассмотреть необходимость повысить способность нашей страны проявлять стратегическое терпение, определять потенциал и стратегические намерения США и строить прочную оборонную жизнестойкость на всей арене военной дипломатии и за ее пределами. «Силы будущего» США требуют, чтобы военные профессионалы не только продвигали национальные оборонные приоритеты и инициативы, но и объединяли и интегрировали эти приоритеты и инициативы в пространство других ключевых межведомственных проектов. Кроме того, МО необходимо продумать, как наилучшим образом выстроить и наполнить наши национальные интересы, чтобы они гармонично дополнялись приоритетами и целями наших многонациональных партнеров по обороне. Мы допустим невнимательность, указывают Мак Торнберри и Эндрю Крепиневич в своей статье в «Foreign Affairs» в 2016 г., если не будут

Подполковник сухопутных сил США Эд Уильямс, военный атташе в посольстве США в Малави, рассказывает об истории миротворческого учебного центра в Военном училище Малави во время планирования встречи в верхах представителей сухопутных сил Африки в г. Салима в Малави. Октябрь 2016 г. КАПИТАН ДЖЕЙСОН УЭЛЧ/СУХОПУТНЫЕ СИЛЫ США

Подполковник Чарльз Коллинз, американский военный атташе в Сенегале, слева, беседует с генерал-майором Луи Дуйхау Луи, командующим французским контингентом в Сенегале, в центре, и офицером Сенегала на встрече в верхах сухопутных сил Африки, на которую приезжают начальники штабов сухопутных сил африканских стран и которая организована Командованием США по африканскому континенту. AFP/GETTY IMAGES

предусмотрены последствия имплементации второго и третьего порядка, те что относятся к неправительственным организациям, к научно-исследовательским компаниям и разработчикам, корпоративным служащим и партнерам из частного бизнеса.

«Силы будущего» должны быть так позиционированы, чтобы предвидеть стратегические переломные рубежи задолго до их появления, вместо того, чтобы просто реагировать и отвечать на нынешние и возникающие глобальные угрозы, что стало нормой за последнее десятилетие. Чтобы еще больше укрепить жизнестойкость нашей национальной обороны на стратегическом уровне, мы должны работать на опережение. Мы должны задействовать приоритетную, со стратегическим видением, восприимчивую к изменениям и хорошо продуманную военную дипломатию по мере того, как мы продолжаем приспосабливаться к постоянно меняющейся обстановке. Мы должны и дальше укреплять, и пересматривать оборонное строительство, чтобы покрыть бесконечный континуум времени и пространства, который простирается через множество измерений и сближает их, как отметил генерал сухопутных войск США Стэнли МакКристал в своей изданной в 2015 г. книге «Лучшая команда: новые правила привлечения сил в сложном мире». Оставляя приоритетную важность за стабильной военной дипломатией как критически важным компонентом, «Силы будущего» позволят МО и другим ведомствам лучше ориентировать и располагать наши силы обороны для успешного ответа на изменчивые мировые нормы и реалии, включая будущие реалии, которые мы даже пока не предвидим. Прогрессивная военная дипломатия находится в центре эффективной стратегической оборонной политики, стратегии, представительства, переговоров, развития, координации и сотрудничества. В соответствии с отчетом Американского совета по разведке «Глобальные направления до 2030: альтернативные миры», современная военная дипломатия является чрезвычайно важным компонентом той силы, которая создается, развивается и совершенствуется, чтобы реагировать на события по всему миру и активно участвовать в событиях на региональном уровне.

Богатая история

Использование военной силы уже давно рассматривается и применяется государствами, альянсами и коалициями в качестве последнего средства, когда дипломатия терпит неудачу, а на кон поставлены национальные, двусторонние или многосторонние союзнические интересы, как это совершенно ясно и четко выразил Чейре. Поскольку использование военной силы обычно не является самым лучшим политическим вариантом с экономической точки зрения, подтверждает он, решение о ее применении традиционно принимается только в самых безнадежных ситуациях – например, в случаях, когда дипломатия, стремление к развитию, санкции, дипломатические убеждения и переговоры не смогли привести к желаемому конечному результату. Бывают случаи, когда угроза интересам безопасности государства или международной организации настолько сильна, что остается только один способ защитить эти интересы и суверенитет.

В то время, как Наполеон Бонапарт официально утвердил концепцию назначения военных офицеров

для проведения наблюдения, сбора данных и составления отчетов по целому кругу вопросов, представляющих интерес для руководителей Франции, элементы военной дипломатии можно обнаружить в гораздо ранние времена, относящиеся к пелопонесским войнам и Римской империи. Герцог Ришелье также отправлял старших военных офицеров в качестве военных дипломатов. Как указывает Чейри, эти офицеры имели задания координировать оборонные инициативы с союзниками и разрешать конфликтные ситуации с ними, если такие возникали. Они также докладывали герцогу о замеченных у союзников передовых военных технологиях, относящихся к целому кругу тактических, оперативных и стратегических аспектов. Позднее, военная дипломатия была официально признана в 1857 г., когда военные офицеры были аккредитованы в качестве военных атташе с полным дипломатическим статусом во время прохождения службы за границей или находясь в составе делегаций.

С конца XIX века американские военные офицеры официально были введены в дипломатическую среду в качестве ключевых посредников. Назначенные в качестве военных представителей и военных атташе, эти офицеры являлись военными дипломатами и выступали от имени президента и МО. В книге «Карьерная дипломатия: жизнь и работа в зарубежных представительствах США» Хэрри Копп и Чарльз Гиллеспи описывают, как эти солдаты-политики – «офицеры в чужой стране» и военные атташе – представляют высшее военное руководство своей страны в министерстве обороны принимающей страны, неся службу в американских посольствах и миссиях за рубежом.

Поддерживают ли они американские межведомственные усилия или исключительно выполняют задания МО, эти «офицеры в чужой стране» вращаются в политических, культурных, экономических и общественных кругах в принимающей стране и лучше других позиционированы, как стратегически, так и географически, для того, чтобы принимать участие в решении вопросов, относящихся к принимающей стране. В результате, «офицеры в чужой стране» остаются составной частью МО по мере того, как министерство пытается придать очертания и дать определение инициативе «Сил будущего», отслеживая изменения на глобальной арене постоянно меняющихся угроз со все более сложным пространственно-временным континуумом.

Солдаты и государственные деятели

В книге IV своего произведения «Политика» Аристотель отмечает, что «настоящие законодатели и государственные деятели должны быть знакомы с вопросами не в свете абстрактных понятий, а применительно к сложившимся обстоятельствам». Сегодняшние современные, реагирующие на события по всему миру и принимающие участие в развитии событий на региональном уровне военные дипломаты являются первой линией обороны США. Эти офицеры должны давать грамотные советы по военно-политическим вопросам высшим военным и гражданским официальным лицам страны, основываясь на личном общении, обстановке в регионе в сочетании с простой практической мудростью, доводами интуиции, принципом рациональности и моральными устоями. Они работают, живут и постоянно общаются с представителями сферы обороны и безопасности принимающей страны, реагируя на тысячи стратегических сообщений и моментов «перегиба». «Офицеры в чужой стране» координируют деятельность межведомственных групп по вопросам национальной безопасности, отношения с союзными странами, ведут переговоры с боевым командованием и командованиями объединенных сил, с международными правительственными и неправительственными партнерами и при случае сглаживают конфликтные ситуации и даже выступают передаточным звеном при переговорах о прекращении огня и участвуют в других военных мероприятиях и усилиях.

Выводы

И хотя это может выглядеть как парадокс, Чейре настаивает на том, что появление хорошо продуманной стратегически и эффективно координируемой военной дипломатии дало один из ключевых дипломатических инструментов, который государства могут использовать для сдерживания войн и содействия миру. При грамотном управлении и воплощении военная дипломатия может стать исключительно мощным и влиятельным инструментом и, как с апломбом заявляет Чейре, «инструментом государственного строительства путем сочетания множественных параметров как мягкого, так и жесткого давления в каждом конкретном вопросе». По мере того, как мы продолжаем формировать, совершенствовать и позиционировать себя для того, чтобы сформулировать, создать и сохранить «Силу будущего», чрезвычайно важно, чтобы военная дипломатия была составной частью этого процесса в целях дальнейшего продвижения и отстаивания наших военных интересов и интересов безопасности во всем мире. Современная, убедительная, реагирующая на события по всему миру и активно принимающая участие в событиях на региональном уровне, военная дипломатия находится в центре инициативы «Сила будущего» по мере того, как мы совместно работаем с межведомственными партнерами в нашем правительстве, а также с союзниками по двусторонним, многосторонним и международным договорам для того, чтобы сдержать и урегулировать наиболее серьезные конфликты и предотвратить эскалацию насилия в XXI веке и в последующем. □

Стационарные курсы

Democratia per fidem et concordiam

Демократия через доверие и дружбу

Отдел регистрации
George C. Marshall
European Center for Security Studies
Gernackerstrasse 2
82467 Garmisch-Partenkirchen
Germany

Телефон: +49-8821-750-2327/2229/2568
Факс: +49-8821-750-2650

www.marshallcenter.org
registrar@marshallcenter.org

Порядок регистрации
Европейский центр исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла не принимает заявлений напрямую. Заявления на все курсы должны поступать через соответствующее министерство и посольства США или ФРГ в стране проживания кандидата. Тем не менее, отдел регистрации слушателей готов помочь кандидатам инициировать процесс. Запрос можно направить по электронному адресу: registrar@marshallcenter.org

ПРОГРАММА ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ПАСС)

Основной курс очного обучения Центра им. Маршалла охватывает такие сферы, как политика безопасности, вопросы обороны, международные отношения, включая международное право и борьбу с терроризмом. Основной темой, рассматриваемой на протяжении всей программы, является необходимость международного, межведомственного и междисциплинарного сотрудничества.

ПАСС 17-15

30 Август -
9 Ноября 2017

Август

ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
		1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31		

Сентябрь

ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
					1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30

Октябрь

ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	31				

Ноябрь

ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
			1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25
26	27	28	29	30		

ПРОГРАММА «БОРЬБА С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ» (БТОП)

Двухнедельный очный курс, посвященный таким угрозам национальной безопасности, как незаконный оборот и прочие виды преступной деятельности. Курс адресован государственным и правительственным служащим и специалистам-практикам, участвующим в разработке политики, реализации правоохранительных, разведывательных мероприятий и контрмер.

БТОП 17-01

30 Ноябрь -
15 Декабрь 2016

Ноябрь

ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
		1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30			

Декабрь

ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31

БТОП 17-09

10-25 Май 2017

Май

ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30	31			

ПРОГРАММА «ТЕРРОРИЗМ И ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ» (ПТВБ)

Эта четырехнедельная программа рассчитана на государственных служащих и офицеров вооруженных сил, которые в настоящее время работают на среднем и высшем уровнях управления организаций по борьбе с терроризмом, и она содержит сведения о характере и масштабах современной террористической угрозы. Программа повысит способность слушателей бороться с последствиями терроризма на региональном уровне за счет предоставления основных знаний, которые позволят служащим органов национальной безопасности сотрудничать на международном уровне в деле борьбы с террористической угрозой.

ПТВБ 17-05

2-30 Март 2017

Март

ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
			1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25
26	27	28	29	30	31	

ПТВБ 17-13

6 Июль -
3 Август 2017

Июль

ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
						1
2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30	31					

Август

ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
		1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31		

ПРОГРАММА ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСОВ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ (ПВКБ)

Курс посвящен тому, как решать проблемы киберпространства в соответствии с основополагающими ценностями демократического общества. Это нетехническая программа, которая помогает участникам понять характер и масштабы современных угроз.

ПВКБ 17-04
31 Январь -
16 Февраль 2017

Январь

ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	31				

Февраль

ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
			1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25
26	27	28				

СЕМИНАР ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (СРБ)

Семинар продолжительностью три недели имеет целью систематический анализ характера отдельных кризисов, влияния региональных субъектов, а также воздействия международных мер помощи.

СРБ 17-07
4-27 Апрель 2017

Апрель

ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
						1
2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30						

СЕМИНАР ДЛЯ ВЫСШЕГО РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА (СВРС)

Это интенсивная пятидневная программа, посвященная новым ключевым глобальным тенденциям, которые могут привести к появлению новых точек зрения, концепций и совместных обсуждений, а также возможных решений. Программа предназначена для высшего офицерского состава, дипломатов высокого ранга, послов, министров, заместителей министров и парламентариев. СВРС состоит из официальных презентаций, проводимых высшими должностными лицами и признанными специалистами, с последующим всесторонним обсуждением в семинарских группах.

СВРС 17-10
5-9 Июнь 2017

Июнь

ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	

ПРОГРАММЫ ДЛЯ ВЫПУСКНИКОВ

Дин Рид, Директор
программ для выпускников
тел +49-(0)8821-750-2112
reeddg@marshallcenter.org

Специалисты по связям с выпускниками

Барбара Уизер
Юго-Восточная Европа

Языки: английский, русский, немецкий, французский

тел + 49-(0)8821-750-2291
witherb@marshallcenter.org

Кристиан Эдер
Западная Европа

Языки: английский, немецкий

тел + 49-(0)8821-750-2814
christian.eder@marshallcenter.org

Марк Джонсон
Центральная Азия, Южный Кавказ, Россия, Молдова, Украина, Беларусь – Специалист по кибервопросам

Языки: английский, русский, французский

тел + 49-(0)8821-750-2014
marc.johnson@marshallcenter.org

Кристофер Бурелли
Центральная Европа, Прибалтийские государства – специалист по противодействию терроризму

Языки: английский, словацкий, итальянский, немецкий

тел + 49-(0)8821-750-2706
christopher.burelli@marshallcenter.org

Донна Джанка
Африка, Ближний Восток, Южная и Юго-Восточная Азия, Северная и Южная Америка – специалист Оперативного центра по противодействию терроризму (СТОС)

Языки: английский, немецкий

тел + 49-(0)8821-750-2689
nadonya.janca@marshallcenter.org

mcalumni@marshallcenter.org

Подать материал для публикации

Вы заинтересованы в подаче материалов для публикации в журнале *per Concordiam*? Правила подачи материалов для публикации можно найти по адресу **http://tinyurl.com/per-concordiam-submissions**

Подписаться

Если Вы хотите подписаться на **БЕСПЛАТНУЮ** доставку журнала *per Concordiam*, пожалуйста, свяжитесь с нами по электронной почте **editor@perconcordiam.org**

Найти нас

Вы можете найти *per Concordiam* в интернете по адресу:
Центр им. Маршалла: **www.marshallcenter.org**
Twitter: **www.twitter.com/per_concordiam**
Facebook: **www.facebook.com/perconcordiam**
GlobalNET портал: **https://members.marshallcenter.org**
Цифровая версия: **http://perconcordiam.com**

Европейский центр исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла в Гармиш-Партенкирхене, Германия.

ФОТОГРАФИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНА ЦЕНТРОМ ИМ. МАРШАЛЛА